Роман Савищев

А ВДРУГ ВОПРОС ГЛУПЫЙ?

НЕЛОВКО БЫТЬ СОБОЙ

Роман Савищев

А вдруг вопрос глупый? Как задавать вопросы и просить о помощи без стыда

https://litres.ru/74714343
SelfPub; 2026

Аннотация

Ты понял не всё, но промолчал. Вопрос остался, а вместе с ним — ощущение, что лучше разобраться самому, чем показаться глупым. Мне знакомо это молчание: оно отнимает время и постепенно превращает маленькие пробелы в большие. Я собрал простую систему, которая помогает формулировать вопрос, обращаться за помощью, разговаривать с преподавателем или человеком старше и спокойнее встречать отказ. Внутри — формула из трёх шагов, небольшие задания и ситуации из учёбы и повседневной жизни. При подготовке разборов я также обращался к цифровым языковым инструментам, чтобы сделать примеры точнее и удобнее для применения.

Содержание

Дисклеймер 5
Об этой книге 6
Эссе 1. Вопрос, который ты не задал 8
Эссе 2. Вопрос как признание «я не знаю» 19
Эссе 3. Миф о глупых вопросах 31
Заход 31
История 32
Механизм 36
Разбор 38
Инструмент 41
Вывод 44
Эссе 4. Кому страшнее всего спрашивать 46
Заход 46
История 48
Механизм 52
Разбор 55
Инструмент 58
Вывод 60
Эссе 5. Тело и голос на вопросе 62
Заход 62
История 63
Механизм 67
Разбор 69

Инструмент 72
Вывод 75
Эссе 6. Цена молчания на паре 77
Заход 77
История 78
Механизм 81
Разбор 84
Инструмент 86
Вывод 89
Эссе 7. Формула из трёх шагов 91
Заход 91
История 92
Механизм 95
Разбор 97
Инструмент 100
Вывод 104
Эссе 8. Один вопрос в день 106
Заход 106
История 107
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Роман Савищев
А вдруг вопрос глупый? Как задавать вопросы и просить о помощи без стыда

Дисклеймер

Автор не является специалистом в области здравоохранения. Вся информация собрана из открытых источников и представлена исключительно в ознакомительных целях.

Автор — студент медицинского вуза, а не врач; книга не является медицинской консультацией; истории обезличены. При стойкой социальной тревожности и изоляции месяцами — маршрут к специалисту.

Об этой книге

Эта книга выросла из одного эпизода, который повторялся слишком долго. Вопрос был собран, слово подобрано, вдох сделан — и вопрос оставался внутри. Пара заканчивалась, аудитория пустела, а вопрос ехал домой вместе со мной и по дороге дорожал. Так продолжалось несколько курсов, пока я не начал разбирать не смелость, а форму: где именно застревает вопрос, из чего он сделан, кому его страшнее задать и что делать с ответом, который не понравился.

Здесь нет обещаний, что ты перестанешь бояться. Страх не исчезает, и книга не про это. Она про зазор между страхом и действием — тот самый, в котором помещается формула из трёх шагов: где я застрял, что уже сделал, что прошу объяснить. Этот зазор тренируется, и тренируется он частотой, а не решительными рывками.

Я писал как свидетель, а не как специалист. Мне двадцать четыре года, я студент медицинского вуза, и всё, что здесь описано, я видел изнутри студенческой жизни: коридоры перед деканатом, консультации, практику, разговоры на переменах. Истории в книге обезличены, имена изменены, и ни одна из них не повторяет чью-то биографию. Ты не найдёшь здесь диагнозов и советов, которые может давать только врач.

Книга устроена так, чтобы её можно было применять сра-

зу. В каждой главе есть история, разбор механизма и один инструмент, названный по имени: формула из трёх шагов, лестница вопросов, ответ на отказ, тетрадь разъяснений, недельный счёт. Инструменты простые и не требуют ни приложений, ни разрешений — только листа бумаги и одного разговора.

Её можно читать подряд, а можно открыть на той главе, где тебе больнее всего: просьба о помощи, разговор с тем, кто выше, насмешка в ответ, вопрос близкому. В конце — приложения: тест, карта серии и пять шагов, которые можно сделать сегодня. Если после книги ты задашь хотя бы один вопрос, который иначе остался бы внутри, она сделала своё дело.

Эссе 1. Вопрос, который ты не задал

Пара заканчивается не звонком, а шорохом. Тетради закрываются почти одновременно, стулья отъезжают по линолеуму, кто-то у двери уже натягивает куртку на ходу. В эти последние две минуты преподавательница складывает листы в папку и говорит: «Если вопросов нет — все свободны». И вопрос, который ты держал в голове всю пару, вдруг становится тяжёлым, как будто у него появился вес.

Он был готов заранее. Ты знал, про что он: про тот кусок, где объяснение свернуло в сторону и оставило тебя на обочине. Ты даже подобрал слова, пока писала соседка по ряду, и проверил их на слух. Ты почти поднял руку — на уровне стола, не выше, — и в этот момент кто-то спросил совсем другое, про перенос зачёта, и преподавательница ответила, и все засмеялись, и общее движение понесло тебя к выходу вместе с чужим вопросом вместо твоего.

Дальше вопрос едет с тобой. В раздевалке он висит на плече вместе с рюкзаком, в столовой садится за стол, а вечером, когда ты уже дома и всё, что можно было сделать сегодня, сделано, он возвращается и требует внимания. Ты прокручиваешь его снова и снова, и с каждым прокручиванием он звучит хуже: сначала как нормальная просьба объяснить, по-

том как признание, что ты не понял элементарного, потом как что-то, за что тебя могут пожалеть.

Я знаю этот вечер. Я провёл таких вечеров столько, что мог бы сдавать по ним норматив.

Незаданный вопрос не рассасывается. Он не растворяется в следующей теме, не гаснет от того, что ты отвлёкся, не исчезает к утру. Он копится — тихо, без объявлений, — и через месяц ты обнаруживаешь, что не помнишь не один фрагмент, а целую связку, и что восстановить её теперь дороже, чем спросить тогда, на паре, когда ответ был в двух метрах от тебя.

Эта книга про такие вопросы. Не про смелость вообще и не про то, как стать другим человеком к понедельнику. Про механику: почему вопрос застревает, что с ним происходит, пока он застревает, и какая форма делает его произносимым.

Вторник, четвёртая пара. Аудитория на четвёртом этаже, окна на север, поэтому свет всегда немного серый, а лампы гудят так, что к середине пары этот звук перестаёшь слышать. Марина Сергеевна стоит у доски с маркером в руке и объясняет тему, от которой зависит весь следующий раздел: как вещество, попав в организм, находит свою мишень и что происходит после того, как оно её нашло.

Она рисует схему — кружок, стрелку, ещё кружок, — и говорит, что вещество само почти ничего не делает. Оно только прикрепляется. Дальше работает клетка: она принимает сигнал и решает, что с ним делать, и вот это решение зависит

от того, где сигнал приняли и что в этот момент в клетке уже происходило.

Я записываю. Я всегда записываю, у меня аккуратные конспекты, которые потом просят переснять, и это моя тихая гордость и моя тихая проблема: аккуратный конспект создаёт ощущение, что я понял. А я не понял одного места. Клетка принимает сигнал и решает — но откуда она знает, как решать? Кто ей сказал? Есть же какой-то механизм, какая-то последовательность, которую можно назвать словами, а не «клетка решает».

Вопрос оформился в голове почти дословно: «А за счёт чего клетка выбирает один ответ, а не другой, если сигнал один и тот же?» Хороший вопрос. Точный. По делу. Тот самый вопрос, который через три года пригодится на практике, когда придётся объяснять пациенту, почему одно лекарство помогает, а другое нет.

Марина Сергеевна заканчивает схему и поворачивается к аудитории.

— Вопросы по этому куску есть?

Тишина. Не враждебная, просто усталая: четвёртая пара, все хотят есть, у кого-то в телефоне висит непрочитанное сообщение от старосты. Я смотрю на свою руку. Рука лежит на столе и не двигается.

В этой тишине поднимается Костя — с заднего ряда, где он сидит в позе человека, которому всё равно, — и спрашивает:

— А на зачёте схему рисовать надо или словами?

Класс смеётся. Марина Сергеевна отвечает про схему и про то, что словами тоже можно, если слова правильные. Кто-то ещё спрашивает про список литературы. Аня, староста, поднимает голову от ведомости и говорит, что методичку выложат сегодня. Звонок.

И всё. Окно закрылось. Я собираю тетрадь, и в этот момент Костя хлопает меня по плечу:

— Ты чего сидел как на приёме у стоматолога? Хотел же что-то спросить, я видел.

— Не успел.

— Так догнал бы.

Он говорит это без всякого умысла. Для него «догнал бы» — обычное дело, как «допил бы». Он не понимает, что именно я не могу догнать, потому что для него между «хочу спросить» и «спрашиваю» нет ни одного шага, а у меня там лестница.

Я прихожу домой, открываю конспект и начинаю искать сам. Не потому, что мне нравится искать, а потому, что спрашивать страшнее, чем копаться. Я листаю учебник, нахожу главу, читаю абзац, не понимаю, читаю второй, возвращаюсь к первому, потом лезу в другой источник, потом в третий, и через сорок минут натыкаюсь на фразу, которая всё объясняет одной строкой: сигнал внутри клетки передаётся цепочкой, и следующий белок в цепочке активируется только тогда, когда предыдущий передал — а значит, «решение» клет-

ки не решение вовсе, а следствие того, какие белки у неё в этот момент уже были.

Сорок минут. И одна строка. И пять секунд, которые понадобились бы Марине Сергеевне, чтобы сказать это вслух, если бы я поднял руку в правильную секунду.

Я сижу над этой строкой и чувствую не облегчение, а раздражение. На себя. Потому что сорок минут — это не цена знания, это цена формы. Знание стоило одну строку, а моя неспособность её попросить стоила сорок минут, и это ещё дешёвый случай: тема была простая, источники доступные, времени хватало.

Через неделю на следующей паре Марина Сергеевна строит новое объяснение на том самом месте, которое я наконец понял, и я ловлю себя на том, что мне легко. И рядом, через два стула, сидит человек, который в прошлый вторник тоже не понял, но не искал сорок минут, а просто оставил это как есть. Он слушает и записывает, и я вижу, как он записывает слова, которых не понимает, и как его рука на секунду останавливается, и как он продолжает.

Мне хочется сказать ему: спроси. Но я не говорю, потому что это было бы слишком похоже на то, чего я сам не делаю.

С незаданным вопросом происходят три вещи, и все три неприятные.

Первая: он повторяется. Не потому, что ты такой невнимательный, а потому, что он остался незакрытым. Незакрытое дело возвращается — в очереди, в душе, перед сном, —

и каждый возврат делает его чуть более значительным, чем он есть. Вопрос про рецепторы был рядовым. К пятому возврату он стал вопросом про то, гожусь ли я вообще на своём месте. Ничего не изменилось, кроме числа возвратов.

Вторая: он обрастает виной. Первый раз ты просто не спросил. Второй раз ты не спросил, потому что не спросил в первый, — и вот это уже другая история. Появляется счёт: «я опять промолчал», «я всегда так», «со мной что-то не так». Вина любит количественные формулировки, она обожает слова «опять» и «всегда», и ей не нужны доказательства: достаточно того, что ты помнишь три случая подряд, а три случая подряд запоминаются легче, чем тридцать случаев, когда ты спросил нормально.

Третья: он превращается в пробел. Это самое дорогое. Пока вопрос живёт в голове, он кажется отдельным — одним из многих, случайным. Но у знания есть структура: следующая тема опирается на предыдущую, и пробел в середине работает как выключенный участок в цепочке. Дальше объяснение идёт, а ты уже не понимаешь, потому что не хватает звена, и через две темы ты не можешь назвать, где именно потерял нить, и это хуже всего: потерять место, где потерял.

Отсюда простая арифметика, которую я долго не хотел считать. Вопрос на паре стоит примерно пятнадцать секунд чужого времени и десять секунд твоего страха. Догоняющее объяснение стоит сорок минут поиска, или чужого часа, или — если запустить совсем — пересдачи. Молчание кажется

бесплатным только потому, что платишь не сразу и не тем, чем думаешь.

И ещё одно, менее очевидное. Незаданный вопрос меняет твои знания — и заодно твоё место в группе. Человек, который спрашивает, постепенно становится тем, к кому обращаются: он в контакте, он в разговоре, его замечают. Человек, который молчит, остаётся сбоку — не потому, что его не любят, а потому, что о нём просто не помнят, когда делят задания и собирают компанию на практику. Молчание не нейтрально. Оно тоже действие, у него тоже есть последствия, просто их не видно в тот самый день, когда ты его выбрал.

Почему я не спросил тогда? Разбор честный, без красивого ответа.

Первое: у меня не было готовой фразы. В голове был вопрос, но не было предложения, с которого он начинается. А между мыслью и речью есть зазор, и в этом зазоре человек, который говорит редко, теряется: он начинает с «это», «ну», «извините», и сам слышит, как неуверенно это звучит, и от этого неуверенность растёт. У Кости зазора нет, потому что он спрашивает каждый день по десять раз и фраза у него отскакивает от зубов. У меня зазор был размером с полпары.

Второе: адресат. Марина Сергеевна — не Костя. Она ведёт предмет, который я сдаю, она пишет что-то в ведомости, она помнит, кто отвечал, а кто молчал. И мой страх был не про то, что она засмеётся, — она бы не засмеялась, — а про то, что она поставит галочку в своей внутренней тетра-

ди: этот не понял. Как будто у неё есть такая тетрадь. У неё, скорее всего, нет никакой тетради, а у меня есть, и я приписываю её всем.

Третье: я ждал, что спросит кто-то другой. Это самая коварная часть, потому что она выглядит как разумная стратегия. В группе из двадцати человек всегда есть тот, кто спросит, — Костя, например, — и можно подождать и послушать. Проблема в том, что чужие вопросы почти никогда не совпадают с твоими: Костя спросил про зачёт, потому что его волновал зачёт, а моё место в схеме так и осталось непонятым. Ожидание чужого вопроса — это лотерея, в которой ты платишь своим временем, а выигрыш не гарантирован.

Четвёртое, самое неприятное: мне было важно, как я выгляжу, и это нормально. Хочется, чтобы тебя считали человеком, который понимает. Вопрос эту картинку портит: он показывает, что понимания нет. Вся конструкция «я не спросил, потому что боялся выглядеть глупо» — это не про глупость, а про картинку. И картинка дороже знания ровно до того момента, когда знание понадобится по-настоящему.

Теперь важное возражение, которое я слышу часто и которое надо разобрать на месте. «Если вопрос действительно важный, я спрошу, а мелочи можно и пропустить». Так думает почти каждый, кто молчит, и это ловушка. Важные вопросы не появляются отдельно от мелочей. Человек, который не спросил про рецепторы, потому что это мелочь, не спросит и про схему лечения, потому что к тому моменту

у него не будет ни навыка, ни привычки, ни опыта удачных вопросов. Мелочи — это разминка, а не то, что можно отложить до серьёзного случая.

И последнее. Молчание не делает тебя хуже. Оно не признак слабого характера, не диагноз и не приговор. Оно — стратегия, которую ты выбрал когда-то, потому что она защищала, и она до сих пор защищает: от неловкости, от чужого тона, от риска услышать «это же элементарно». Просто у этой стратегии есть цена, и её редко считают. Мы её сейчас посчитаем.

Упражнение называется «Список незаданных вопросов». Оно короткое и делается один раз, за двадцать минут, но лучше — на бумаге, потому что на бумаге видно.

Возьми лист и выпиши три вопроса, которые ты не задал за последние две недели. Именно три: один — слишком мало, чтобы увидеть закономерность, десять — слишком много, и ты утонешь в самобичевании вместо разбора. Если не помнишь за две недели, возьми последний месяц, но всё равно три.

Для каждого вопроса четыре строки.

Первая: где это было и в какой момент. «Семинар во вторник, конец пары, когда она спросила про вопросы». Не «на учёбе», а конкретно: место, время, что происходило вокруг. Конкретность здесь не для красоты — она вытаскивает случай из тумана, в котором все такие случаи сливаются в один бесконечный.

Вторая: что ты хотел спросить. Своими словами, как в голове звучало, без причёсывания. Если помнишь дословно — записывай дословно, с «ну» и «как бы».

Третья: что ты сделал вместо. Ушёл, поискал сам, спросил у соседа, забыл, отложил. Тут важно не оценивать, а зафиксировать: чаще всего окажется, что вместо вопроса ты сделал что-то более дорогое и менее надёжное.

Четвёртая: что это стоило. Время, силы, тревога, испорченный вечер, необходимость догонять. Если цена не в часах, а в другом — например, в том, что ты до сих пор не понимаешь тему, — так и напиши. Стоимость можно измерять не только минутами.

Когда три строки заполнены, посмотри на них подряд. Почти всегда обнаруживается одна из двух картин: либо все три вопроса были к одному человеку — и тогда дело в адресате, а не в тебе вообще; либо все три случились в одном месте — у доски, в деканате, на практике, — и тогда дело в обстановке. Это уже полезно: страх перестаёт быть свойством характера и становится обстоятельством, с которым можно что-то делать.

Чего делать не надо: превращать список в приговор. Если после упражнения ты чувствуешь только «я безнадёжен», значит, ты записал не вопросы, а обвинения. Вернись и перепиши четвёртую строку в терминах цены, а не вины: не «я опять струсил», а «я потерял вечер и не понял тему». Цена измерима, вина — нет, и с измеримым можно работать.

И последний шаг, ради которого всё делалось. Выбери из трёх один вопрос, который ещё не поздно задать. Не самый лёгкий и не самый важный — тот, у которого ответ ещё можно получить: тема идёт, человек доступен, время не ушло. Обведи его и напиши рядом дату, когда ты его задашь. Не «скоро», а число.

Тот вопрос про клетку я задал. Не в тот вторник, а через неделю, после пары, когда Марина Сергеевна складывала листы в папку, и я стоял рядом и ждал, пока она закончит, и чувствовал, как горят уши. Она ответила тремя предложениями. Потом посмотрела на меня внимательнее и добавила: «Вы бы спросили на паре, я бы всей группе объяснила, там половина не поняла».

Половина не поняла. Я сидел и молчал, охраняя тайну, которой не было.

С этого места начинается вся книга, и начинается она не с техники. Сначала надо увидеть цену: у молчания есть расход, и он больше, чем кажется, потому что платишь не в тот день, когда молчишь. Пока цена не увидена, никакая формула не приживётся — она будет восприниматься как насилие над собой, а не как выгодный обмен.

Дальше мы разберём, что именно ты слышишь в своём вопросе. Потому что вопрос про рецепторы и вопрос «я вообще нормальный» звучат одинаково только изнутри, и первое, что стоит разделить, — это факт незнания и ярлык, который к нему приклеен.

Эссе 2. Вопрос как признание «я не знаю»

Есть фраза, которую я слышал от себя чаще любой другой, и она короткая: «Я лучше сам». Не «я не хочу спрашивать», не «мне неудобно», а именно «я лучше сам» — с этой дурацкой интонацией взрослого человека, который решил не беспокоить окружающих. Я говорил её про конспект, про дорогу до корпуса, про то, как заполнять заявление в деканате, про то, почему не работает программа, в которой надо сдать задание.

За этой фразой стоит убеждение, и оно не про удобство. Оно про то, что вопрос — это признание. Признание в том, что я не справился, что мне нужно объяснять, что я отстаю. И пока убеждение не названо, оно работает тихо и безупречно: я обхожу вопрос стороной, объясняя себе это заботой о чужом времени, а на самом деле охраняю картинку, в которой я человек, который разбирается.

Самое неприятное в этом убеждении — то, что оно почти правда. Вопрос действительно означает «я не знаю». Проблема не в этом. Проблема в том, во что «я не знаю» превращается в моей голове за долю секунды: в «я не знаю» → «я не понимаю вообще ничего» → «я слабый» → «и теперь это видят».

Между первым и последним звеном нет никакой логики. Есть привычка.

Первый курс, осень, занятия по химии. Ведёт не Марина Сергеевна, а другая преподавательница — сухая, быстрая, с привычкой заканчивать предложение раньше, чем ты успеваешь записать начало. У неё на столе список группы, и она любит спрашивать по списку, а не по желанию, что для меня всегда было отдельным видом ужаса.

Она объясняет расчёты, и я не понимаю один шаг. Не весь расчёт — один шаг, где из одной величины получается другая, и я не вижу, по какому правилу. Я знаю, что если не пойму сейчас, то дальше будет хуже, и я поднимаю руку. Не смело — скорее от отчаяния, потому что дома я бы всё равно не разобрался, а завтра сдавать.

— Что у вас?

— Я не понял, как вы перешли вот здесь.

Она смотрит на меня секунду дольше, чем нужно. Потом говорит:

— Это программа восьмого класса.

В аудитории кто-то усмехается — не громко, один короткий выдох носом. Она не издевалась, я почти уверен, что не издевалась: она устала, у неё сорок человек и три пары подряд, и для неё это был не выпад, а комментарий по существу. Она объяснила шаг — за две фразы, спокойно и точно, — и пошла дальше. Всё заняло двадцать секунд.

А я сидел с горящими ушами и не слышал следующие

пятнадцать минут. Не потому, что она меня обидела. Потому что внутри включилась своя собственная запись, громче преподавателя: «программа восьмого класса», «программа восьмого класса», и рядом — «а он в медицинском», «а он собирается лечить людей».

Я вышел с пары и пошёл не в столовую, а к окну на лестнице, где никто не ходит. Стоял, смотрел на двор и думал о том, что мне не место в этом вузе. Мне было девятнадцать, у меня были не сданы два семинара, и вывод «мне не место» казался полностью обоснованным — из одного комментария про восьмой класс.

Прошло два дня. Тот шаг в расчётах я запомнил навсегда, потому что он был единственным, что я вынес из той пары. И знаешь, что самое смешное? Половина группы потом спрашивала у меня, как это делается. Те самые люди, которые услышали короткий выдох носом. Оказалось, они тоже не поняли шаг — просто не подняли руку, а потом догоняли у меня.

Через год я рассказывал эту историю Косте, и он удивился:

— Так она тебе объяснила или нет?

— Объяснила.

— Ну и чего ты тогда два дня страдал?

Хороший вопрос. Ответ: потому что я услышал не «вот как это делается», а «ты спрашиваешь про вещи, которые должен знать». Одно предложение про восьмой класс пере-

весило двадцать секунд нормального объяснения. Так работает ярлык: он короче факта и запоминается лучше.

Был и второй случай, уже на втором курсе, и он показал мне обратную сторону той же механики. Мы разбирали задачу в группе, и Костя — тот самый Костя, который спрашивает не задумываясь, — задал вопрос, от которого мне стало физически неудобно. Он спросил, чем отличается одно исследование от другого, а разница была в первом абзаце методички, которую нам выдали неделю назад и которую он, судя по всему, не открывал.

Я ждал реакции. Я прямо-таки ждал, что сейчас кто-то скажет что-нибудь про то, что надо читать, и Костя смутится. Ничего подобного не произошло. Марина Сергеевна спокойно сказала: «В методичке на первой странице, но давайте я проговорю, это важно для задачи», — и проговорила. Пять минут. Вся группа слушала, потому что половина тоже не открывала.

А потом Костя сделал то, чего я не ожидал вовсе: он сказал «спасибо» и записал. Без извинений, без объяснений, почему не читал, без попытки показать, что он вообще-то в курсе. Просто взял и записал то, чего не знал.

Я в тот момент позавидовал ему так, как завидовать нехорошо — не его знаниям, а вот этой лёгкости. Он не считал, что вопрос про методичку что-то про него говорит. Для него это была техническая операция: есть пробел, есть человек, который может его закрыть, надо соединить. Всё остальное

— мои домыслы про то, что он должен был чувствовать, — было моим, а не его.

Вечером я попробовал представить себя на его месте. Спросить про первую страницу методички при всей группе, после того как неделю назад её выдали. Представил — и понял, что не смог бы. Хотя знал, что реакция будет ровно такой, какой оказалась: спокойной, деловой, без всякого следа. Я боялся не реакции. Я боялся того, что обо мне подумают те, кто тоже не читал и теперь делает вид, что читал.

Разберём, что происходит в ту секунду, когда рука поднимается.

У вопроса есть два смысла, и они приходят одновременно. Первый — прямой: «я хочу понять этот шаг». Второй — социальный: «сейчас на меня посмотрят и сделают вывод». Прямой смысл короткий и рабочий. Социальный — длинный, ветвистый и почти всегда неприятный, потому что он строится не на том, что есть, а на том, что может быть.

Дальше вступает привычка. Если в твоём опыте спрашивать значило получать оценку — в школе, дома, у старших, — то социальный смысл вопроса закрепляется как основной. Спрашиваешь — значит, тебя оценивают. Не «тебе отвечают», а «тебя оценивают». И тогда вопрос перестаёт быть инструментом получения знания и становится процедурой проверки: подай себя, посмотрим, что ты есть.

Отсюда три следствия, и все три я наблюдал у себя.

Первое: чем проще вопрос, тем страшнее. Это выглядит

нелогично, а работает железно. Сложный вопрос звучит как «человек думает, он дошёл до глубины». Простой звучит как «человек не знает базы». Я мог спросить про тонкости, которые не входили в программу, — и не мог спросить, как называется кабинет, потому что название кабинета знают все. Чем элементарнее пробел, тем больше стыда, хотя цена пробела обратная: чем элементарнее, тем дешевле закрыть.

Второе: ярлык приклеивается не к вопросу, а к человеку. Один неудачный вопрос — и внутри появляется формулировка «я из тех, кто не понимает». Дальше эта формулировка начинает работать как фильтр: ты не спрашиваешь, потому что «такие, как я, всё равно спросят не то», и фильтр подтверждает сам себя. Через год у тебя есть биография из пяти случаев, когда спрашивать вышло неловко, и ни одного воспоминания о том, как спросил и получил нормальный ответ, — хотя таких случаев было больше.

Третье: другой человек почти никогда не слышит того, что слышишь ты. Пока ты переживаешь, что показал пробел, преподаватель видит студента, который поднял руку и хочет разобраться. Для неё это рутина: она отвечает на такие вопросы по десять раз за пару. Твой вопрос занимает у неё двадцать секунд и не попадает ни в какую тетрадь. Ты — событие для себя, а для неё — строчка в череде похожих строчек.

И вот главный сдвиг, который нужно удержать. Вопрос означает «я не знаю» — это правда, и её не надо прятать. Но «я не знаю» — это описание состояния, а не свойство лично-

сти. Состояние можно изменить за двадцать секунд. Свойство — нет, и поэтому, когда «не знаю» превращается в «я такой», вопрос становится безнадёжным делом: с ним нельзя ничего сделать, можно только страдать.

Теперь честно про то, откуда взялась связка «не знаю — значит слабый». Она не врождённая. Её кто-то собрал, и обычно сборка происходила в двух местах.

Первое место — школа, где вопрос живёт в системе оценок. Там спрашивают, чтобы проверить, и «нет, не понял» звучит как «садись, два». Опыт повторяется сотни раз, и к старшим классам вопрос прочно связывается с проверкой, а не с помощью. Вуз внешне устроен иначе — здесь спрашивают, чтобы понять, — но привычка уже стоит, и она переносится целиком, вместе с напряжением.

Второе место — дом, где вопросы встречали раздражением. Не обязательно злым. Достаточно усталого «ну что ещё», сказанного несколько раз в правильном возрасте, чтобы вопрос стал делом рискованным: сначала спрашиваешь и получаешь вздох, потом перестаёшь спрашивать. Это не про плохих родителей — это про то, как экономят силы. Вздох был про их день, а запомнился как про твою назойливость.

Есть ещё третье, и о нём говорят меньше: среда, где ценится вид, а не содержание. В таких местах знать принято, а спрашивать — нет; признак хорошего студента — молчать и кивать. Если ты попал в такую группу, вопрос становится социально дорогим независимо от преподавателя. И тогда

страх держится не на человеке у доски, а на двадцати соседях по ряду, которые могут подумать о тебе что-то не то. Хотя, если честно, эти двадцать соседей в этот момент думают о себе.

Дальше возражение, которое обычно приходит на этом месте. «Но ведь есть и правда глупые вопросы, за которые справедливо смеются». Есть вопросы, заданные не вовремя, не по адресу, без попытки разобраться самому, — и на них реакция бывает резкой. Но это вопрос формы и контекста, а не способностей. Разница принципиальная: «он спросил не вовремя» — про ситуацию, «он глупый» — про человека. Мы в этой книге разбираем первое и не трогаем второе, потому что второе не проверяется и не лечится упражнениями.

И последнее, что стоит сказать про ярлык. Он не исчезает от того, что ты узнал его устройство. Я знаю, откуда он взялся, и всё равно иногда слышу его перед тем, как поднять руку. Разница в том, что теперь между ярлыком и действием есть промежуток, в котором можно что-то вставить. Об этом промежутке — весь оставшийся разговор.

Есть ещё одна деталь, которую я заметил позже и которая многое объяснила. Ярлык работает не в одиночку — ему нужен свидетель. Когда я остаюсь с вопросом один на один, в пустой аудитории или в переписке, страх слабее в разы. Стоит появиться людям — не важным, любым, — и вопрос тяжелеет. Значит, дело не в самом действии, а в том, что действие увидят. Именно поэтому тот же самый вопрос, кото-

рый я не задал вслух, я спокойно задавал в сообщении через час. Содержание не менялось, менялось число глаз.

Это наблюдение полезно не тем, что даёт выход, — писать вместо говорить иногда можно, иногда нет. Оно полезно тем, что показывает: ярлык не про знание. Знание у меня было то же самое и в аудитории, и в переписке. Менялось только предполагаемое мнение окружающих, и именно оно делало вопрос тяжёлым. А мнение окружающих — самая ненадёжная вещь на свете: его никто не проверял, и в девяти случаях из десяти его просто не было.

Упражнение называется «Разбор ярлыка». Оно делается письменно, на одном листе, и занимает минут пятнадцать. Смысл — увидеть, что ты слышишь в своём вопросе, и сравнить это с тем, что слышат другие.

Раздели лист на две колонки. Слева — «я слышу», справа — «слышат они».

В левую колонку выпиши пять фраз, которые звучат у тебя в голове, когда ты собираешься задать вопрос. Дословно, как есть, без причёсывания. У меня там были: «это же элементарно», «она сейчас поймёт, что я ничего не читал», «сейчас все обернутся», «я задаю слишком много вопросов», «лучше спрошу после пары, чтобы не при всех». У тебя будут свои, но интонация узнаваемая: это голос оценщика, а не голос человека, который чего-то не понял.

В правую колонку напиши, что, по твоим наблюдениям, реально происходит. Не что ты боишься, а что было, ко-

гда ты всё-таки спросил или когда спрашивал кто-то другой. «Марина Сергеевна объяснила и пошла дальше». «Никто не обернулся». «Костя спросил то же самое через минуту, и ничего не случилось». Если наблюдений мало — это тоже результат: значит, правая колонка у тебя пока пустая, и заполнять её придётся опытом, а не размышлениями.

Потом возьми самую громкую фразу из левой колонки и проверь её на трёх вопросах.

Кто это сказал? Не «откуда я это знаю», а буквально: чей это голос, чья интонация. Часто обнаруживается конкретный человек или конкретный класс в школе. Ярлык, у которого есть автор, перестаёт быть законом природы и становится чьим-то мнением.

Это факт или предсказание? «Она подумает, что я не читал» — предсказание, и его нельзя проверить, не спросив. «В прошлый раз она сказала про восьмой класс» — факт, и с ним можно работать: он про тот случай, а не про все следующие.

Что будет, если это правда? Допустим, она действительно подумает, что я не читал. Что дальше? Оценка? Отказ? Презрение? Когда доводишь мысль до конца, она чаще всего кончается ничем: человек подумал и забыл, а ты остался с темой, которую не понял.

И последний шаг, ради которого упражнение и делалось. Перепиши свой самый частый ярлык в нейтральную формулировку. Было: «я сейчас покажу, что я тупой». Стало: «я

сейчас покажу, что не понял один шаг». Одно и то же событие, но во второй формулировке есть предмет — шаг, — а значит, есть что исправлять. В первой предмета нет, есть только приговор.

Переписанную фразу держи на виду неделю. Не как аффирмацию — я в них не верю, — а как поправку к тому, что слышишь.

И маленькое дополнение, без которого упражнение часто буксует. Правая колонка почти всегда заполняется медленнее левой, потому что наблюдений у нас меньше, чем домыслов. Если через пятнадцать минут справа у тебя две строчки, а слева пять, это не провал, а точный диагноз: ты годами слушал внутренний голос и ни разу не проверил, совпадает ли он с тем, что происходит снаружи. Тогда задача на неделю меняется: не разбирать ярлык, а набрать три настоящих наблюдения. Спроси три раза и запиши, что было. Не «что я почувствовал», а что сделал человек: ответил, переспросил, пожал плечами, — и что случилось дальше.

Со мной всё ещё бывает так, что перед вопросом внутри щёлкает: «это же элементарно». Я не избавился от этой фразы и не собираюсь обещать, что ты избавишься. Она приходит быстрее, чем мысль, потому что ей много лет и она тренированная.

Но между ней и рукой теперь есть зазор. Иногда я успеваю в него вставить вопрос: «Я не понял вот этот шаг, объясните ещё раз». И каждый раз происходит одно и то же — человек

объясняет. Не оценивает, не вздыхает, не пишет в тетрадь. Объясняет и идёт дальше, а я остаюсь с пониманием вместо дырки.

Фраза «глупых вопросов не бывает» не помогала мне ни разу, и в следующем разборе мы посмотрим, почему. Короткий ответ: она спорит с ярлыком на его поле, а надо не спорить, а менять форму вопроса. Спор про глупость можно вести бесконечно; форму можно просто взять и переделать.

Эссе 3. Миф о глупых вопросах

Заход

Фразу «глупых вопросов не бывает» я слышал от взрослых столько раз, что она перестала быть смыслом и стала звуком. Её говорят на первом занятии, её пишут на плакатах в коридорах школ, её произносят бодрым голосом, каким объявляют хорошие новости. И каждый раз, когда её произносят, в аудитории находится человек, которому она не помогает вообще, — и обычно это тот, кому она адресована.

Потому что фраза спорит с чувством, а не с механикой. Человек, который боится спросить, боится не того, что вопрос объективно глупый. Он боится, что его посчитают глупым, — а это совсем другая вещь, и на неё фраза не отвечает. Ему говорят «глупых вопросов не бывает», а он слышит «твои страхи необоснованны» и остаётся один на один и со страхом, и с ощущением, что он ещё и трус, раз простые слова его не успокоили.

Я знаю это по себе. Мне говорили эту фразу, и я кивал, и думал: «Ну да, не бывает. А мой — бывает».

История

Третий курс, цикл по пропедевтике. Мы учимся разговаривать с пациентом — как здороваться, как задавать первые вопросы, как слушать ответ. Нас человек двадцать, мы сидим полукругом, и Марина Сергеевна вызывает по одному: надо подойти, представиться, спросить, что беспокоит, и не растеряться.

Очередь доходит до меня. Я встаю, подхожу к стулу, на котором сидит Костя, изображающий пациента, и говорю:

— Здравствуйте, меня зовут Роман, я студент третьего курса. Что вас беспокоит?

Костя, который в роли пациента чувствует себя слишком уверенно, отвечает:

— Да вот, спина.

И замолкает. А я стою и понимаю, что не знаю, какой вопрос следующий. В голове был план: спросить, где именно, как давно, что усиливает. Но план рассыпался, потому что я ждал другого ответа — ждал, что человек скажет «болит голова» или «температура», и тогда разговор пойдёт по учебнику. «Спина» — это слишком широко, и я не знаю, с какого края подступиться.

Пауза тянется. Я чувствую, как у меня краснеют уши, и от этого пауза тянется ещё сильнее. В голове включается счётчик: вот сейчас все смотрят, вот сейчас станет ясно, что я не

готов, вот сейчас Марина Сергеевна вмешается, и это будет хуже всего.

Она вмешивается. Говорит спокойно, не мне, а в пространство:

— Роман, вы застряли. Скажите вслух, где именно застряли, и продолжим.

И я, к своему удивлению, говорю:

— Я не знаю, что спрашивать первым, если жалоба такая широкая. В плане было «где именно», но я не понимаю, можно ли сразу к этому переходить.

В аудитории тихо. Марина Сергеевна кивает:

— Можно. И это, между прочим, самый частый вопрос на этом цикле. Половина группы спотыкается ровно здесь.

Потом она объясняет: широкая жалоба — это нормальный вход, и правильная реакция не «растеряться», а уточнить границы. Дальше я спокойно спрашиваю «где именно», Костя отвечает, разговор идёт, и через три минуты она нас останавливает и говорит, что дальше хорошо.

Я сажусь на место, и внутри странное чувство. Не радость, не облегчение. Скорее удивление от того, что моё «я застрял» не произвело никакого эффекта. Оно не стало событием. Оно даже не стало ответом на мой вопрос — ответом стало объяснение, которое она дала всей группе, потому что вопрос был про общее место.

После пары ко мне подходит Аня, староста, с ведомостью под мышкой, и говорит:

— Слушай, хорошо, что ты сказал, что застрял. Я думала, я одна такая.

— Ты тоже не знала, что первым спрашивать?

— Я вообще не знала, что можно сказать «я застрял». Думала, надо как-то выкручиваться.

Вот это меня добило. Двадцать человек в аудитории, и как минимум двое из них боялись не вопроса, а признания, что вопрос есть.

Мы вышли на лестницу, и Аня рассказала, как её учили в школе. У неё была учительница, которая на вопросы отвечала так: сначала длинная пауза, потом поднятые брови, потом «мы это проходили». Три элемента, отработанных до автоматизма. Аня говорит, что до сих пор, когда задаёт вопрос, слышит эту паузу раньше, чем собственный голос.

— И что, ты совсем не спрашиваешь?

— Спрашиваю. Но только тех, кто точно не сделает такое лицо. То есть примерно трёх человек.

Три человек из всей группы и всех преподавателей. Я подумал, что у меня примерно такая же арифметика, только я её никогда не считал. И ещё подумал, что мы оба устроены одинаково: у нас есть белый список тех, кому можно задавать вопросы, и он составляется не по тому, кто лучше объясняет, а по тому, кто ни разу не сделал лицо. Это, если вдуматься, довольно дорогой способ выбирать учителей.

Марина Сергеевна в этот список попала не сразу. Первые пары я её побаивался: она говорила быстро, не повторяла

дважды и любила спрашивать «а вы как думаете» в тот момент, когда никто не думал. Но на том цикле, когда я сказал «я застрял», что-то сдвинулось. Не потому, что она меня похвалила, — она не хвалила. Потому что я увидел, как она реагирует на честно названный пробел: без паузы, без бровей, сразу к делу.

Механизм

Разберём, почему утешительная фраза не работает. Причин три, и они складываются.

Первая: она отвечает не на тот вопрос. Человек боится не «задать глупый вопрос», а «быть посчитанным глупым». Это разные вещи, и вторая не снимается доказательством, что первое не существует. Можно логически доказать, что глупых вопросов не бывает, и при этом продолжать бояться, потому что страх сидит не в логике, а в ожидании чужого взгляда. Фраза бьёт по аргументу, а страх держится на предчувствии.

Вторая: фраза обесценивает страх. Когда тебе говорят «да не бойся, тут нечего бояться», ты слышишь не поддержку, а оценку: твой страх несоразмерен. И тогда к страху добавляется стыд за страх — а стыд, в отличие от страха, не проходит от повторения, он от повторения крепнет. Человек, которому сказали «нечего бояться», начинает бояться молча.

Третья, и главная: фраза ничего не говорит о форме. Она сообщает, что вопрос не может быть глупым, но не сообщает, каким он должен быть, чтобы это оказалось правдой. А страх питается неопределённостью: когда неизвестно, как правильно, любая формулировка кажется рискованной. Утешение снимает запрет, но не даёт инструмента, — и человек остаётся с разрешением спрашивать и без единого представ-

ления о том, как это делается.

Дальше работает простая подмена, которую полезно увидеть. «Глупый вопрос» — это не про содержание, а про отношение между вопросом и контекстом. Один и тот же вопрос в разных обстоятельствах звучит по-разному: «а что такое давление» на паре по физиологии — нормальный уточняющий вопрос; тот же вопрос на четвёртом курсе, когда все готовятся к экзамену, прозвучит странно, потому что за три года это должно было стать фоном. И это не про способности спросившего, а про место и время.

Есть и обратное: вопрос, который кажется слишком простым, может оказаться самым полезным. На той паре я спросил про широту жалобы — вещь, которую, как выяснилось, не понимала половина группы. Простой вопрос вскрыл общую дырку. Сложный вопрос часто вскрывает только твою личную дырку, а простой попадает в типовую, и поэтому он полезнее для всех.

Разбор

Теперь про критерий. Если утешительная формула не работает, нужна замена, и замена должна быть проверяемой. Не «мой вопрос хороший, потому что я хороший», а «мой вопрос годится, потому что у него есть три свойства».

Свойство первое: конкретность. В вопросе должно быть названо место, где ты остановился. «Я не понимаю эту тему» — не вопрос, это заявление о состоянии; на него можно ответить только «читай внимательнее». «Я не понимаю, почему в этой формуле индекс переходит на другую сторону» — вопрос, потому что в нём есть точка. Конкретность не требует знаний: чтобы назвать место, не надо понимать всё остальное, достаточно честно показать, где кончилось понимание.

Свойство второе: привязка к делу. Вопрос должен быть про то, что сейчас нужно, а не про то, что интересно вообще. Это не значит, что нельзя спрашивать про интересное, — можно и нужно, но не в тот момент, когда человек объясняет другое. Вопрос не по делу раздражает не потому, что он глупый, а потому что он не вовремя. Разделив эти две вещи, ты снимаешь половину страха: тебя раздражают не из-за содержания, а из-за момента, а момент ты выбираешь сам.

Свойство третье, и его чаще всего не хватает: свой контекст. В вопросе должно быть видно, что ты уже смотрел.

«Что такое рецептор» — это вопрос человека, который не открывал конспект. «Я прочитал про рецептор в конспекте, но не понял, чем он отличается от канала — там оба названы белками» — это вопрос человека, который поработал и упёрся. Второй вопрос не просто вежливее, он точнее: в нём уже есть гипотеза, и отвечающему есть что поправлять, а не с чего начинать.

Три свойства вместе дают проверку, которая работает без чужого мнения. Перед вопросом ты не гадаешь, как ты выглядишь, — ты проверяешь форму: место названо? к делу? видно, что искал? Если все три — да, вопрос годный, и дальше уже не твоя зона: реакция человека от тебя не зависит.

Полезно понять и то, почему эта проверка вообще успокаивает, хотя утешительная фраза — нет. Утешение пытается изменить чувство напрямую, и почти всегда проигрывает: чувство приходит быстрее доводов и не слушает их. Проверка ничего не обещает про чувство. Она даёт действие, которое можно выполнить, пока чувство на месте. А действие, у которого есть конец, снимает напряжение совсем другого рода — то самое, от которого человек и замирает перед вопросом: ощущение, что надо сделать что-то большое и неопределённое прямо сейчас.

С этой точки зрения страх вопроса похож на страх перед любым делом, у которого не видно границ. Пока задача звучит как «надо разобраться с темой», она бесконечна, и браться за неё страшно. Как только задача сжимается до «назвать

одно место, где я остановился», она становится выполнимой за минуту. Формула не убирает неловкость, она убирает бесконечность.

Теперь возражение, которое здесь обязательно будет. «А если я не могу назвать место? Если я вообще ничего не понял, с самого начала?» Это самый частый и самый честный случай. Тогда место называется так: «я потерял нить в начале, вот здесь, — и дальше всё непонятно». Это тоже конкретность, только она указывает на начало провала, а не на его середину. И это нормальный вопрос: человеку проще объяснить с начала, чем угадывать, где ты отвалился.

И второе возражение: «А если вопрос и правда был неудачный и мне на него ответили резко?» Бывает. Тогда работает не самобичевание, а разбор: что в форме было не так — место, момент, отсутствие контекста. Если ничего из трёх не нарушено, значит, дело не в вопросе, а в том, что человек устал, спешил или у него был свой день. Мы об этом ещё поговорим отдельно, но запомни главное: неудачный вопрос — это ошибка формы, а не приговор способностям. Форму можно поправить.

Инструмент

Упражнение называется «Проверка вопроса» и занимает пять минут перед тем, как открыть рот. Не всегда получится — в спешке забываешь, — но чем чаще пробуешь, тем быстрее оно становится автоматическим.

Возьми свой вопрос в том виде, в каком он у тебя в голове, и прогони по трём пунктам.

Пункт первый: место. Назови, где именно ты остановился. Проверка простая — если из твоего вопроса нельзя вырезать фразу и показать её пальцем в конспекте, месте в тексте или на схеме, значит, места нет. «Я не понял тему» — вырезать нечего. «Я не понял переход от второй строки к третьей» — есть куда показать.

Пункт второй: дело. Спроси себя, про то ли это, что сейчас обсуждается. Если да — спрашивай. Если нет — запиши вопрос и задай позже, отдельно, в подходящий момент. Отложенный вопрос не пропадает, а вот неудачно вставленный портит репутацию и тебе, и вопросу.

Пункт третий: контекст. Добавь одну фразу о том, что уже сделал. Это не оправдание и не отчёт — это экономия времени собеседника. Вместо «объясните, пожалуйста, про рецепторы» получается «я читал в конспекте про рецепторы и про каналы, и там оба названы белками — я не понимаю, в чём разница». Второй вариант отвечается за минуту, первый

— за пять, и разница не в уважении, а в точности.

Теперь соедини три пункта в одно предложение и произнеси вслух. Вслух — обязательно, потому что на бумаге всё гладко, а во рту фраза оказывается длиннее, чем казалась, и это надо почувствовать заранее.

Упражнение можно делать и на чужом материале: слушай вопросы, которые задают другие, и мысленно проверяй их по трём пунктам. Быстро выясняется, что большинство вопросов в аудитории — нормальные, с местом и контекстом, и что люди не смеются над ними. Это тоже часть работы: набрать наблюдений, чтобы правая колонка из прошлого разбора перестала быть пустой.

И последнее. Если после проверки вопрос всё равно кажется «слишком простым» — задавай. Простой вопрос с местом и контекстом почти никогда не выглядит глупо, потому что глупость в глазах окружающих создаётся не сложностью, а бесформенностью.

Есть ещё один приём, который я подсмотрел у Кости и который стоит упомянуть отдельно. Он задаёт вопрос и в конце добавляет короткое «если это сейчас не к месту, скажите, я подожду». Одна фраза, а работает она как переключатель: человек, который объясняет, получает право выбрать момент, и почти никогда этим правом не пользуется — отвечает сразу. Зато напряжение в разговоре падает, потому что спрашивающий больше не выглядит как тот, кто требует внимания немедленно.

Я пробовал эту добавку несколько раз и заметил странное: она помогает не собеседнику, а мне. Пока я произношу «если не к месту», я успеваю выдохнуть и перестаю следить за чужим лицом. Формула срабатывает как ритуал перед действием — не потому, что в ней есть магия, а потому, что она даёт рукам и голосу занятие, пока страх делает своё дело и отступает.

Вывод

Марина Сергеевна в тот день сказала фразу, которую я запомнил лучше всех плакатов: «Застрял — это нормальное состояние, о нём надо сообщать». Не «не бойся», не «глупых вопросов не бывает», а рабочая инструкция: если застрял, скажи об этом. Инструкция, которую можно выполнить сегодня, а не когда-нибудь, когда перестанешь бояться.

С тех пор я много раз говорил «я застрял» — на парах, на практике, в разговорах, где надо было что-то попросить. И ни разу это не вызвало той реакции, которой я боялся. Максимум, что было, — человек кивал и говорил: «Хорошо, что сказал, тут многие застревают». Слышать такое от преподавателя, у которого за спиной двадцать лет практики, — отдельное удовольствие: оказывается, «многие застревают» не утешительная формула, а точное описание того, что происходит в аудитории каждый день.

Миф о глупых вопросах не вреден сам по себе — он просто бесполезен. Он успокаивает того, кто и так не боится, и не помогает тому, кто боится. Вместо него у нас теперь есть проверка: место, дело, контекст. Три пункта, которые можно приложить к любому вопросу и получить ответ не про себя, а про форму.

Дальше — следующий слой. Мы уже поняли, что вопрос можно собрать. Но остаётся загадка, почему один и тот же

вопрос легко задать Косте и почти невозможно — Марине Сергеевне. Формула у вопроса одна и та же, а страх разный, и разница эта живёт не в вопросе, а в том, кого ты видишь на другом конце. Об этом в следующем разборе, и там будет лестница.

Эссе 4. Кому страшнее всего спрашивать

Заход

Есть люди, у которых я спрашиваю что угодно. Костя — первый в списке. У него можно спросить, где находится кабинет, который я ищу третий год; можно спросить, что задавали, если я проспал; можно спросить, нормально ли я выгляжу перед выступлением, и он скажет честно, а не утешительно. С Костей вопрос стоит мне примерно ноль усилий. Я открываю рот и говорю.

Есть люди, у которых я спрашиваю с усилием. Одногруппники, с которыми нормальные отношения, но не близкие. Тут уже нужна небольшая пауза, иногда — предварительная фраза вроде «слушай, у меня дурацкий вопрос». Пауза есть, но она короткая.

А есть люди, у которых я не спрашиваю почти никогда. Марина Сергеевна — в этом конце списка. Не потому, что она хуже других, — она объясняет лучше многих. И не потому, что она когда-то меня высмеяла. Причина в другом, и она смешная, если произнести вслух: она ведёт предмет, который я сдаю, и она пишет что-то в ведомости.

Вот это «пишет в ведомости» и делает всю работу. Один и тот же вопрос про рецепторы, заданный Косте в столовой, — просто разговор. Заданный ей после пары — почти признание с последствиями.

История

Зимняя сессия, третий курс. Зачёт по предмету, который Марина Сергеевна ведёт с осени, и который я, если честно, знаю хуже, чем делаю вид. До зачёта четыре дня, и в конспекте у меня есть раздел, где я обвёл вопросительным знаком три абзаца подряд. Обвёл ещё в октябре, собираясь разобраться позже.

Позже наступило сейчас. Я открываю конспект, читаю абзацы, не понимаю, читаю учебник — не понимаю, читаю второй учебник — становится хуже, потому что там другой порядок изложения. В какой-то момент я понимаю, что единственный человек, который может объяснить это за десять минут, — Марина Сергеевна. И что я не могу ей написать.

Не могу — это не фигура речи. Я открываю сообщение, набираю «Здравствуйте, Марина Сергеевна, у меня вопрос по...», стираю. Набираю снова, короче. Стираю. Потом закрываю и иду пить чай, потому что мне нужно подумать.

Думаю я два дня. За это время я успеваю: найти в интернете три разных объяснения, запутаться в них окончательно, спросить у Ани (она не помнит), спросить у Кости (он говорит «да там всё просто, читай внимательнее»), перечитать абзацы ещё четыре раза и один раз почти написать Марине Сергеевне в полночь, но не написать, потому что полночь — неподходящее время для сообщения преподавателю.

На третий день Аня, которая видит меня в коридоре с лицом человека, решающего уравнение, спрашивает:

— Ты чего такой?

— Да вот, не понимаю кусок, а спросить не могу.

— У кого?

— У Марины Сергеевны.

Аня смотрит на меня так, как смотрят на человека, который жалуется, что не может открыть дверь, стоя перед ней с ключом в руке.

— Ром, она в деканате сидит каждый день до пяти. Она вообще-то для этого там и сидит.

Я знаю, что она сидит. Я видел её в деканате, за столом у окна, с папками. Просто в моей голове «сидит в деканате» и «к ней можно подойти» — две разные вещи, между которыми лежит пропасть.

В итоге я иду. Не из смелости — из отчаяния, потому что до зачёта сутки, а у меня три обведённых абзаца. Стою в дверях деканата, она поднимает голову, и я говорю заготовленную фразу:

— Марина Сергеевна, извините, можно вопрос? Я не понял один раздел, я к нему подходил три раза и не понимаю.

Она смотрит на часы — я вижу этот взгляд, он длится долю секунды — и говорит:

— Садитесь. У вас десять минут.

Десять минут. Она сказала «десять минут», и это было лучшее, что она могла сказать, потому что у вопроса появи-

лись границы. Она объяснила раздел за семь. Потом спросила:

— А раньше почему не пришли?

И я, вместо того чтобы соврать, говорю правду:

— Неловко было. Вы же зачёт принимаете.

Она усмехается — коротко, без злости:

— Роман, у меня сорок человек на потоке. Я не веду счёт вопросам. Я веду счёт зачёткам.

Я выхожу из деканата и стою в коридоре, у окна, и внутри у меня пусто и легко одновременно. Семь минут. Семь минут вместо трёх дней, из которых два с половиной ушли не на поиск ответа, а на поиск смелости. Я считаю это соотношение и мне становится смешно: если бы я мог вернуть себе эти дни, я бы успел подготовиться нормально, а не за одну ночь.

Но самое интересное было не в этом. Через неделю после зачёта я зашёл к ней с другим вопросом — про тему, которая меня зацепила, вообще без всякой необходимости, — и она ответила так же спокойно, и я понял, что никакой ведомости в её голове нет и не было. Ведомость была у меня. Я сам её вёл, сам ставил себе отметки за вопросы, сам решал, какие из них идут в минус.

Ещё через месяц я случайно услышал, как она разговаривает с другой студенткой — из тех, кто спрашивает часто и много. Разговор был недовольный, но не про вопросы: студентка не сдала что-то в срок и просила перенести. Мари-

на Сергеевна говорила твёрдо, отказывала, и в её голосе не было ни капли того раздражения, которого я боялся всё это время. Раздражение было, но оно относилось к делу, а не к человеку, и уж точно не к его вопросам.

Механизм

Вот это и есть механизм, только с другой стороны. Страх вопроса растёт не с ростом сложности темы, а с ростом воображаемой власти собеседника. И власть эта почти всегда не про реальные полномочия, а про право оценивать.

У преподавателя это право есть по должности. Он ставит оценки — значит, в нашей голове он ведёт учёт. И дальше работает простая арифметика: если человек ведёт учёт моим знаниям, то вопрос — это запись в учёт, а запись может быть не в мою пользу. Один вопрос про базовую вещь — и в графе «понимает» появляется минус. Мысль абсурдная, если произнести её целиком, но она живёт в голове не целиком, а обрывком: «она теперь знает, что я не понимаю».

Отсюда лестница. Внизу — те, кто не оценивает: друзья, одногруппники, случайные знакомые. Они могут подумать что угодно, но их мнение не влияет ни на что, поэтому вопрос им почти бесплатен. В середине — те, кто оценивает косвенно: старшекурсники, ребята с курса выше, знакомые, которые могут что-то рассказать о тебе другим. Вверху — те, у кого оценка формальная: преподаватели, методисты, деканат, начальство на практике. Чем выше, тем дороже вопрос.

Тут важно понять, из чего складывается «дорого». Не из страха наказания. Из страха, что тебя увидят не таким, каким ты себя показываешь. На верху лестницы стоят люди,

перед которыми ты уже играешь роль — способного, аккуратного, разбирающегося, — и вопрос эту роль ломает. Внизу играть не надо, поэтому и ломать нечего.

Есть и второй слой, менее очевидный. Чем выше человек, тем меньше у него времени, и это мы знаем. Знаем — и делаем вывод: «мой вопрос недостаточно важен, чтобы занимать его время». Вывод кажется скромным, почти благородным. На деле он означает, что ты сам решил за человека, что ему важно, — и решил не в свою пользу. Марина Сергеевна в тот день сказала «десять минут», и это была её работа: определить цену вопроса. Я эту работу делал за неё три дня и делал плохо.

И третье, самое коварное: наверху лестницы люди кажутся однородными. «Преподаватели», «деканат», «начальство» — мыслятся как одна масса с одним мнением, одним лицом и одной памятью. Отсюда ощущение, что вопрос, заданный одному, станет известен всем. Это не так: у каждого свой день, свои сорок человек и своя папка с бумагами. Но пока они слиты в один образ, страх не уменьшается — он ведь направлен не на человека, а на конструкцию.

Полезно заметить и то, как эта конструкция поддерживает себя. Чем реже ты поднимаешься наверх, тем меньше у тебя реальных данных, и тем больше места для домыслов. Домыслы всегда страшнее факта, потому что факт имеет границы, а домысел — нет. Человек, который ни разу не подходил к преподавателю с вопросом, может годами носить в голове

образ строгого экзаменатора; человек, который подошёл три раза, носит в голове воспоминание о том, как ему объяснили и пошли дальше. Один и тот же преподаватель, две разные головы, и разница только в количестве столкновений.

Отсюда странный на первый взгляд вывод: страх наверху лестницы питается уважением. Мы не боимся тех, кого не уважаем. Мы боимся тех, чьё мнение для нас важно, — и чем важнее, тем выше ступень. Это значит, что самый сильный страх направлен на людей, которые в принципе способны дать нам что-то ценное: знание, рекомендацию, поддержку, работу. То есть мы боимся ровно тех, кто нам полезен, и боимся настолько, что теряем доступ к их пользе. В этом есть своя железная логика, но логика эта работает против нас.

Разбор

Почему Марина Сергеевна оказалась наверху, а Костя внизу — теперь понятно. Не она и не он тому причиной. Причиной была моя привычка считать, что оценка живёт в людях, а не в ситуациях. Оценка, которую я боялся, существовала только в одном месте — в зачётной ведомости, и вопрос про рецепторы не имел к ней никакого отношения. Но в голове ведомость и человек были склеены, и склейка была прочной.

Дальше — возражение, которое здесь честнее всего проговорить. «А если бы она действительно вела счёт? Если бы она была из тех, кто запоминает и потом припоминает?» Такие люди есть, я не буду делать вид, что нет. Но заметь: если человек действительно ведёт счёт, то молчание не спасает — оно просто переносит проблему. Ты не спросил, не понял, пришёл на зачёт и получил хуже. Счёт всё равно пополнился, только запись сделана не словом, а пустым ответом.

Есть и другой разворот, который стоит увидеть. Мы боимся, что наверху нас посчитают некомпетентными. А человек наверху, глядя на молчащего студента, видит ровно противоположное: он видит человека, который не задаёт вопросов, и делает вывод — либо всё понял, либо не интересуется. Второй вывод для репутации хуже, чем любой вопрос. Молчание не защищает образ способного человека. Оно делает

образ пустым.

И последнее про саму лестницу. Она не выстроена раз и навсегда, она меняется вместе с обстоятельствами. Марина Сергеевна, у которой я не мог спросить осенью, стала той, к кому я спокойно подхожу сейчас, — и не потому, что она изменилась. Изменилось то, что я один раз увидел её реакцию на честный вопрос и перестал выдумывать. Одна проверка сняла всю конструкцию. Так почти всегда и бывает: страх наверху держится не на опыте, а на отсутствии опыта, и первое настоящее столкновение его разрушает.

Стоит сказать и о том, чего лестница не отменяет. Она не делает всех людей одинаково доступными, и не надо к этому стремиться. Есть разница между страхом и уважением к чужому времени: подойти к преподавателю за минуту до пары с длинным вопросом — не смелость, а невнимательность. Лестница помогает увидеть, где тобой движет выдумка, а где — реальное обстоятельство. И то, и другое надо учитывать, но путать их нельзя: одно лечится опытом, другое — планированием.

И ещё одна деталь, которую я заметил уже после сессии. Наверху лестницы обычно стоят люди, которые сами когда-то были внизу. Марина Сергеевна училась в этом же вузе, и когда она говорит «я помню, как это было», она говорит буквально. Она не забыла, каково это — стоять в дверях и репетировать фразу. Просто с её стороны это было давно, и она не считает нужным напоминать об этом каждому. Мы

же со своей стороны считаем, что человек наверху родился наверху, и это ещё один домысел, который стоит проверить.

Инструмент

Упражнение называется «Лестница страха». Делается на одном листе, за двадцать минут, и лучше не в голове — на бумаге видно то, чего не видно в мыслях.

Нарисуй вертикальную линию и раздели её на пять ступеней. Верхняя — «спросить почти невозможно», нижняя — «спросить легко». Теперь расставь по ступеням своих людей: не категории, а конкретных людей с именами. Костя, Аня, сосед по комнате, староста, методист, Марина Сергеевна, руководитель практики, кто-то из деканата. Расставляй по ощущению, не по логике: если неловко — значит, выше, независимо от того, чем человек занимается.

Дальше — самое полезное. Рядом с каждым именем напиши, что именно делает вопрос дорогим. Не «страшно», а конкретно: «она ставит зачёт», «он старше на два курса и может рассказать другим», «она однажды ответила резко», «не хочу выглядеть новичком на практике». Причина почти всегда попадает в одну из трёх корзин: формальная оценка, репутация в глазах других, страх показать неопытность.

Теперь посмотри на заполненный лист и найди две вещи.

Первая: где у тебя разрыв. Обычно между двумя соседними ступенями оказывается пропасть — например, друзей много, а на ступени выше вообще никого, потому что ты ни разу не спрашивал никого, кто старше. Такой разрыв означа-

ет, что весь твой опыт вопросов накоплен в безопасной зоне, и наверх ты не поднимался ни разу. Не потому, что там плохо, а потому, что не был.

Вторая: у кого причина из корзины «формальная оценка» на самом деле не работает. Проверь каждого: правда ли этот человек может повлиять на твою оценку, зачёт, место? Часто выясняется, что человек, которого ты поставил на четвёртую ступень, никакого отношения к твоим делам не имеет — он просто выглядит важным, потому что старше или говорит громче.

И последний шаг. Выбери одну ступень, которая выше твоей обычной, но не самая верхняя, и одного человека на ней. Не героическую — просто на одну выше. И задай ему один вопрос на этой неделе. Не важный, не судьбоносный: спроси про кабинет, про срок сдачи, про то, как он это делал в прошлом году.

Смысл не в том, чтобы победить страх. Смысл в том, чтобы получить опыт, которого у тебя нет: что человек на ступень выше отвечает нормально. Такой опыт нельзя получить размышлением, его можно только взять.

Вывод

Я сдал тот зачёт. Не блестяще, но сдал, и обведённые абзацы были единственным, что я знал действительно хорошо, потому что разобрался в них сам, пусть и с чужой помощью за семь минут.

Прошло два года, и теперь я иногда захожу в деканат просто так — спросить про справку, про практику, про то, куда нести документы. Каждый раз вспоминаю, как стоял в дверях и репетировал фразу. И каждый раз думаю, что вся разница между тогда и сейчас — не в смелости. Разница в том, что теперь я знаю: за дверью сидит человек с папками, у которого десять минут и сорок студентов, а не судья с тетрадью.

Лестница осталась. Я всё ещё не одинаково легко спрашиваю разных людей, и это нормально: отношение к человеку вообще влияет на разговор. Но ступени перестали быть стеной, потому что у каждой теперь есть адрес — конкретный человек, конкретная причина, конкретный первый вопрос. И когда я вижу, что кто-то из младших курсов мнётся в дверях деканата, я знаю, что он сейчас репетирует фразу, и знаю, что через семь минут он будет стоять в коридоре и удивляться, из-за чего были эти три дня.

Дальше разговор пойдёт про то, что происходит с телом, когда ты всё-таки поднимаешь руку. Потому что даже с готовой фразой и правильным адресатом голос иногда садит-

ся так, что сказать ничего не выходит. Об этом следующий разбор.

Эссе 5. Тело и голос на вопросе

Заход

Я замечаю это за секунду до. Рука уже поднята — не высоко, на уровне плеча, — и в этот момент кровь приливает к лицу так отчётливо, что я чувствую тепло щеками. Дальше по порядку: дыхание становится короче, будто я поднялся по лестнице; во рту пересыхает; и голос, когда я наконец говорю, выходит выше моего обычного, тоньше, почти чужой.

Всё это происходит за три-четыре секунды и совершенно без моего участия. Я не выбирал краснеть. Я не выбирал, чтобы голос сел. Тело отреагировало раньше, чем я успел подумать, и это, пожалуй, самая неприятная часть всей истории: ты не контролируешь то, что видят другие, и именно это они видят.

Долго я считал это признаком слабости. Вот, смотрите: у него горят уши, значит, он не уверен в себе, значит, он боится, значит, вопрос у него глупый. Красивая логика, безупречно замкнутая, и полностью неверная. Потому что тело делает одно и то же у всех — и у того, кто спрашивает впервые, и у того, кто спрашивает десятый год подряд.

История

Осень, второй курс, семинар по анатомии. Ведёт не Марина Сергеевна, а приглашённый преподаватель — высокий, спокойный, с манерами человека, который никуда не спешит. Аудитория большая, амфитеатром, и я сижу в третьем ряду, что для меня самого удивительно: обычно я выбираю место у стены, поближе к выходу.

Тема сложная, и я потерял нить минут десять назад. В конспекте пробел размером в полстраницы, и я знаю, что если не спрошу сейчас, то дальше не пойму вообще ничего. Поднимаю руку.

И вот она, эта секунда. Лицо горит. Сердце частит так, что я слышу его в ушах. И голос, когда преподаватель кивает мне, выходит не мой:

— Извините, а можно уточнить, как это связано с предыдущей темой?

Тонкий голос. Дребезжащий на последнем слове. Я слышу себя со стороны и в этот момент ненавижу всё: и голос, и покрасневшие уши, и то, что спросил так неуверенно, будто извиняюсь за факт своего существования.

Преподаватель отвечает. Спокойно, подробно, ровно то, что мне было нужно. Никакой реакции на мой голос — он, кажется, вообще не заметил, как я звучал. А я сел и следующие пятнадцать минут не слышал ничего, потому что про-

кручивал одно: как я это сказал.

На перемене Костя, который сидел через два ряда и всё видел, подходит и говорит:

— Ты чего так покраснел?

Вот. Он заметил. Значит, все заметили.

— Да жарко тут.

— А, ну да, духота.

И он уходит за кофе. Всё. Для него это была деталь на две секунды, а я в этот момент переживал, пожалуй, самый неприятный эпизод недели.

Через месяц случилось то, что перевернуло моё понимание. Тот же семинар, тот же преподаватель, вопрос задаёт Аня. Аня — староста, человек, который разговаривает с преподавателями каждый день, ходит в деканат как к себе домой, и вообще производит впечатление человека без страха. И у неё, когда она спрашивает, краснеет шея. Я вижу это совершенно отчётливо: пятно поднимается от воротника вверх, и голос у неё в начале фразы тоже чуть выше обычного, а потом выравнивается.

Аня. Староста. Человек, которого я считал эталоном спокойствия.

После семинара я спрашиваю её — впервые в жизни так прямо:

— Слушай, ты когда вопросы задаёшь, у тебя шея краснеет. Ты это чувствуешь?

Она смеётся:

— Конечно чувствую. У меня всегда так. Я думала, это только у меня.

И рассказывает: у неё краснеет шея, а заодно и уши, и она это знает с восьмого класса, когда её вызвали к доске, а она не смогла сказать ни слова. С тех пор, идя к преподавателю, она машинально поправляет волосы так, чтобы прикрыть уши. Делает это автоматически, уже лет пять, и только недавно поймала себя на этом движении.

— А выглядит это как?

— Как что?

— Ну, со стороны. Люди замечают?

Аня пожимает плечами:

— Мне один раз сказали, что я спокойная. Представляешь? «Ты всегда такая собранная».

Мы стоим в коридоре и смеёмся, потому что это действительно смешно: человек, который пять лет прячет уши, считается образцом собранности. И в этом смехе было что-то важное, чего я не мог тогда сформулировать: мы оба устроены одинаково, и оба уверены, что наша особенность — исключение, которое видно всем.

Потом она говорит фразу, которую я потом много раз повторял другим:

— Знаешь, что помогает? Понять, что это не про тебя. Это просто кровь прилила. Она не говорит ничего о том, какой ты человек.

И добавляет, уже серьёзнее:

— Мне, если честно, до сих пор неловко. Я не перестала. Но перестала из-за этого не спрашивать.

Разница между «не перестала» и «перестала из-за этого не спрашивать» — это, наверное, главная мысль всей книги, только тогда я её ещё не понимал.

Механизм

Разберём, что происходит в теле, и разберём по-человечески, без терминов, которые я и сам забываю через неделю после экзамена.

Когда ты собираешься заговорить перед группой, мозг оценивает ситуацию как требующую внимания. Не как опасность — как событие, где на тебя смотрят. Дальше идёт обычная подготовка к такому событию: сосуды в лице расширяются, чтобы кожа лучше отдавала тепло, потому что организм готовится к нагрузке; дыхание становится короче, потому что ты дышишь верхней частью груди, а не животом; мышцы гортани напрягаются, и голос поднимается выше. Всё это — стандартный набор, он есть у любого человека.

Ключевое здесь — слово «стандартный». Краснеет не тот, кто боится, а тот, у кого сосуды в лице реагируют заметно. Это особенность, такая же как рост или скорость заживления ссадин, и она не имеет отношения к характеру. Кто-то краснеет пятнами, кто-то покрывается испариной, у кого-то дрожат руки, а кто-то внешне спокоен и потом полвечера не может уснуть. Внешняя заметность реакции не равна её силе.

Дальше, и это главное: тело реагирует не на вопрос, а на внимание. Проверить это просто. Вспомни, краснел ли ты,

когда задавал вопрос другу наедине. Скорее всего, нет или почти нет. А теперь вспомни, как это было при группе. Разница не в вопросе — вопрос был тот же. Разница в числе свидетелей.

Отсюда следует неприятное, но полезное. Телесную реакцию нельзя отменить приказом. Нельзя сказать себе «не красней» — получится ровно наоборот, потому что запрет добавляет внимания к тому самому месту, которое ты пытаешься не замечать. Зато можно изменить две другие вещи: как ты дышишь перед фразой и что ты делаешь с голосом, когда он уже сел.

И ещё одно, что стоит понять, потому что оно снимает половину стыда. Твоя реакция видна другим гораздо меньше, чем тебе. Ты чувствуешь жар на всём лице, а со стороны это лёгкое покраснение, которое человек замечает, только если специально смотрит. Ты слышишь, как голос дрогнул на последнем слоге, а до слушателя это доходит как обычная интонация. Внутреннее ощущение всегда громче внешнего проявления, и это не утешение, а факт, который можно проверить на записи.

Разбор

Теперь честно про то, чего я боялся на самом деле. Не покраснеть. Покраснеть — это полбеды. Я боялся, что покраснение будет прочитано как признание. Как будто на лице у меня написано: «я не уверен, я не знаю, я боюсь, что мой вопрос глупый». И вот эта расшифровка — вот что было невыносимо.

Проблема в том, что расшифровку делал я сам. Другие видели цвет лица и ничего не читали. Костя спросил «ты чего так покраснел» — из любопытства, а не из диагностики. Преподаватель вообще не отреагировал. Аня, у которой краснела шея, вообще считала, что это её личная особенность, о которой никто не знает.

Получается забавная конструкция: каждый в аудитории уверен, что краснеет только он, и каждый боится, что это заметят. Двадцать человек сидят и следят за собой, и ни у кого нет сил следить за другими. Аудитория, полная людей, которые считают, что на них смотрят, — а смотреть некому, все заняты тем же самым.

Дальше возражение. «Ладно, покраснеть — не страшно. Но голос! Когда голос садится, это слышно, и это правда выглядит жалко». Тут я не буду спорить: слышно. И выглядит неловко — иногда. Но заметил ли ты, что людям с дрожащим голосом обычно отвечают спокойнее, чем людям с ровным?

Есть такое наблюдение: когда человек волнуется, к нему относятся мягче. Не из жалости, а потому что волнение читается как «для него это важно». Ровный уверенный голос не вызывает ни сочувствия, ни внимания; дрогнувший — вызывает и то, и другое.

И последнее, что надо сказать про тело. Самая большая ошибка — пытаться его победить. «Я не буду бояться» — это приказ, который невозможно выполнить, и каждая неудача подтверждает, что с тобой что-то не так. Работает другое: не отменять реакцию, а давать ей место и продолжать говорить. Тело успокаивается не от приказов, а от опыта: когда реакция случилась десять раз, а ничего страшного не произошло, она слабеет сама. Не исчезает — слабеет. Мне этого хватило.

Есть и ещё один слой, о котором говорят редко. Телесная реакция имеет свой пик, и пик этот короткий. Покраснение накрывает за секунду и держится недолго — полминуты, минуту, потом лицо возвращается к обычному состоянию, а ты всё ещё уверен, что оно горит, потому что помнишь ощущение. Именно поэтому самые тяжёлые моменты — не когда ты говоришь, а когда закончил и сел. Вопрос уже задан, ответ получен, всё хорошо, а ты сидишь и чувствуешь, как уши полыхают от того, чего уже нет.

Практический вывод из этого простой и немного неожиданный: не оценивай своё состояние в момент, когда оно на пике. Оценка всегда будет заниженной, потому что пик искажает. Дай себе минуту, займись чем-нибудь — запиши от-

вет, переверни страницу, посмотри в конспект, — и посмотри на ситуацию снова. В большинстве случаев окажется, что ничего катастрофического не произошло: тебе ответили, ты понял, разговор продолжился.

Мне помогло ещё одно наблюдение, совсем бытовое. Я стал замечать, как краснеют другие. Не специально, просто начал видеть: вот у этого пятна на шее, вот у той уши, вот у преподавателя, когда студент задаёт неудобный вопрос про сроки, тоже пошли пятна. И чем больше я это видел, тем спокойнее становилось с собой. Не потому, что «всем так же» — это утешительная формула, мы её уже разобрали. А потому, что реакция перестала быть моей личной меткой. Она стала тем, что бывает. Как зевота. Как дрожь от холода.

Инструмент

Упражнение называется «Долгий выдох перед вопросом». Оно занимает четыре секунды и делается так, чтобы этого никто не заметил.

Суть в пропорции: выдох должен быть длиннее вдоха. Вдох на два счёта через нос, выдох на четыре-пять через рот, без напряжения, без старания. Повторить два раза. Всё.

Почему это работает. Когда человек волнуется, он дышит коротко и часто, и в основном верхней частью груди — той, которая поднимается от страха. Долгий выдох включает другую часть дыхания, нижнюю, и одновременно даёт телу сигнал, который оно понимает лучше слов: раз выдох длинный, значит, опасности нет, можно снижать обороты. Голос садится именно от короткого дыхания — гортань напрягается, и звук выходит выше и тоньше. Один длинный выдох перед фразой опускает голос на полтона-тон, и этого достаточно, чтобы он звучал как твой.

Технически это делается так. Ты чувствуешь, что собираешься поднять руку. В этот момент — не когда уже говоришь, а до — делаешь вдох носом на два счёта. Потом выдох ртом, длинный, на четыре. Ещё один вдох, ещё один выдох. И поднимаешь руку. Всё вместе — около шести секунд, и в аудитории это выглядит как пауза перед вопросом, которую никто не считает.

Второй элемент упражнения — про голос. Когда ты уже говоришь и слышишь, что голос сел, не пытайся его поднять или сделать «уверенным». Наоборот: говори медленнее и тише, чем хотел. Тише — это ключ. Дрожащий громкий голос звучит жалко, дрожащий тихий — просто тихий. Понижение громкости убирает дрожь почти полностью, потому что дрожь живёт в напряжении, а напряжение уходит вместе с громкостью.

Третий элемент, необязательный, но полезный: сделай запись. Один раз, дома, запиши на телефон свой вопрос, заданный вслух, а потом послушай. Почти всегда выясняется, что голос звучит гораздо нормальнее, чем ощущается изнутри. Это не упражнение на силу воли, а калибровка: ты привыкаешь к тому, как звучишь, и перестаёшь пугаться собственного звука в момент разговора.

И последнее. Если покраснение для тебя — отдельная боль, есть простая практическая вещь: не пытайся его спрятать. Не отворачивайся, не закрывай лицо, не начинай говорить быстрее, чтобы успеть, пока не покраснел. Спрятанное покраснение заметно вдвое сильнее, потому что движение привлекает внимание. Спокойно сказанное «я покраснел, извините, это у меня всегда» снимает тему полностью — и для тебя, и для других.

И ещё одна деталь про дыхание, которую стоит знать заранее. Долгий выдох не сработает, если делать его в момент, когда ты уже говоришь: голос к этому времени сформиро-

ван, и переучивать его на середине фразы бесполезно. Он делается до. Поэтому упражнение тренируют отдельно, дома, на пустых вопросах: скажи вслух «где находится третий корпус», выдохни, скажи ещё раз. Через неделю такой тренировки выдох запускается сам, без решения, — и в аудитории ты замечаешь его уже как факт, а не как усилие.

Проверить, работает ли оно, можно по простому признаку: после выдоха голос звучит ниже. Не громче и не смелее — ниже. Если выше, значит, ты не выдыхал, а вдыхал поглубже, что при волнении делает только хуже. Ошибка частая: кажется, что перед ответом надо набрать побольше воздуха, и человек делает большой вдох, от которого грудная клетка поднимается и голос уходит вверх. Воздуха перед короткой фразой нужно немного, а выдохнуть надо больше, чем вдохнуть.

Вывод

Тот семинар по анатомии я вспоминаю часто, и не из-за темы. Я вспоминаю, как стоял с горящими ушами и тонким голосом и думал, что это конец. Прошло несколько лет, и теперь я знаю: это было не конец, а обычная среда, в которой задаются вопросы.

Я не перестал краснеть. Не буду обещать, что и ты перестанешь. Тело остаётся телом, и у него свои привычки, которые старше моих решений. Но я научился делать две вещи: выдыхать перед фразой и говорить тише, когда голос уже сел. Этого хватает, чтобы вопрос прозвучал и был услышан.

И ещё я перестал считать, что цвет лица — это сообщение. Это просто цвет лица. Сообщение — это слова, и их выбираю я.

Иногда, впрочем, тело всё равно берёт своё, и я стою перед аудиторией с горящими ушами и жду, пока пройдёт. В такие секунды помогает одна простая мысль, которой со мной поделилась Аня: это не про тебя. Кровь прилила, гортань напряглась, дыхание сбилось — три физических события, у которых нет мнения о твоих способностях. Мнение появляется позже и только в том случае, если ты сам его добавишь.

И ещё одна вещь, которую стоит знать заранее, чтобы не пугаться. Со временем реакции не исчезают, но становятся

короче. Раньше лицо горело минут десять после вопроса, теперь — секунд двадцать. Я не знаю, отчего так: то ли сосуды привыкли, то ли внимание перестало туда устремляться. Но факт остаётся фактом, и он обнадёживает: тело учится, просто медленнее, чем голова.

Дальше — самый дорогой разбор в этой части. Мы поговорим о том, чего стоит молчание: не в ощущениях, а в конкретных вещах, которые теряются, пока вопрос ждёт лучшего момента. Потому что тело — это неприятно, а пробелы в знаниях — дорого.

Эссе 6. Цена молчания на паре

Заход

Всё началось с одной фразы, которую я не понял в сентябре. Не с катастрофы, не с провала — с обычной фразы на обычной паре, где преподаватель сказал что-то про регуляцию и пошёл дальше, а я остался сидеть с ощущением, что пропустил поворот.

Я решил, что разберусь потом. Потом — это слово, которое я произношу чаще всех остальных, и оно почти никогда не имеет конкретной даты. Потом наступило через неделю, когда тема уже опиралась на ту фразу. Тогда я решил, что разберусь к зачёту. К зачёту выяснилось, что непонятого накопилось столько, что разбираться надо не с фразой, а с половиной раздела.

Вот как это работает. Молчание не нейтрально. Оно выглядит как пауза, как «я пока подожду», как экономия сил, — а на деле оно начисляет проценты, и начисляет их тихо, без единого уведомления.

История

Первый курс, осень, цикл, который у нас называли «вводным» и на котором все ещё пытались понять, как вообще учиться в медицинском. Ведёт Марина Сергеевна — тогда ещё просто «Марина Сергеевна», без всякой симпатии с моей стороны, потому что я её побаивался.

Она объясняет тему и в середине делает шаг, который я не улавливаю. Не большой шаг — одну связку: из одного утверждения у неё следует другое, и я не вижу, почему оно следует. Я записываю оба утверждения через стрелку, и стрелка в моём конспекте означает «здесь я не понял».

Дальше всё идёт по обычному сценарию. Я говорю себе: спрошу после пары. Пара заканчивается, Марина Сергеевна быстро уходит — у неё следующая группа, — и я остаюсь со стрелкой. Ладно, спрошу на следующей паре, перед началом. На следующей паре она начинает с нового материала, и вклиниваться со старым вопросом неудобно. Ладно, разберусь сам.

Сам не разбираюсь. Не потому, что не пытался: я открываю учебник, нахожу раздел, читаю, и текст говорит теми же словами, что и преподаватель, — то есть предполагает, что связка очевидна. Она очевидна для того, кто понял предыдущую. А предыдущую я тоже не понял, только тогда этого не заметил.

Проходит месяц. У меня в конспекте четыре стрелки. Каждая — отдельный маленький пробел, и вместе они складываются в дырку размером с тему. На семинаре Марина Сергеевна спрашивает группу, и я не могу ответить не потому, что не читал, — я читал, — а потому, что не понимаю, как одно связано с другим. Отвечает Аня, отвечает Костя, отвечает кто-то ещё, и я сижу и киваю, как человек, который в курсе.

Перед зачётом я сажусь разбираться и обнаруживаю масштаб. Четыре стрелки — это не четыре вопроса. Это четыре ветки, каждая из которых тянет ещё по три. Я задаю вопросы Ане, и она честно говорит: «Слушай, я это уже забыла, это было в сентябре». Я ищу в интернете и нахожу объяснения, которые противоречат друг другу. Я спрашиваю Костю, и он говорит: «Да там всё просто», — и объясняет так, что становится ещё непонятнее, потому что он объясняет с высоты своего понимания, а не с уровня моего.

В итоге я иду к Марине Сергеевне. Перед зачётом, за три дня, с четырьмя вопросами и с ощущением, что пришёл сдаваться.

Она смотрит на мой конспект, на стрелки, и говорит:

— Это всё с сентября?

— Да.

— Почему вы не спросили в сентябре?

Я пожимаю плечами. И она говорит фразу, которую я потом повторял много раз, потому что она точная:

— Один вопрос в сентябре стоил бы две минуты. Сейчас это час. И час не потому, что материал сложный, а потому, что вы пришли не с вопросом, а с месяцами.

Мы сидим час. Она объясняет, я записываю, и к концу разбираюсь — по-настоящему, до конца, так, что могу объяснить другому. Выхожу из корпуса и чувствую не облегчение, а злость, и злость эта направлена на себя. Не за то, что не понимал. За то, что месяц носил четыре стрелки, которые стоили бы две минуты каждая.

Механизм

Разберём, почему молчание дорожает. Не «почему это плохо» — это и так понятно, — а как именно устроено подорожание.

Первое: у знания есть последовательность. Тема не висит отдельно, она стоит на предыдущей, и когда ты пропускаешь связку, следующая тема приходит на пустое место. Не на «немного непонятное», а на пустое. И дальше эффект накапливается не линейно, а как снежный ком: один пробел делает непонятными две следующие темы, две — четыре, и через месяц ты уже не можешь назвать, где именно потерял нить. Это самое неприятное состояние в учёбе: не «я не понимаю», а «я не понимаю, чего именно я не понимаю». Из него очень трудно выбраться самостоятельно, потому что для поиска нужен адрес.

Второе: у каждого пробела есть срок годности для дешёвого закрытия. Пока тема свежая, вопрос задаётся за две минуты: преподаватель помнит контекст, ты помнишь, о чём была речь, объяснение попадает в готовое место. Через месяц контекст у обоих стёрся, и объяснять приходится с начала — а это уже не две минуты, а десять, и не факт, что ты вспомнишь, что именно хотел спросить.

Третье, и самое дорогое: молчание меняет твой способ учиться. Человек, который спрашивает, учится на парах —

он уходит с пониманием и дома только закрепляет. Человек, который молчит, учится дома, с нуля, по учебнику, который написан для другого читателя. Он тратит в три раза больше времени и получает в три раза меньше, потому что учебник не отвечает на его вопрос, он отвечает на вопросы вообще.

Теперь про цену в другую сторону, о которой редко думают. Молчание стоит не только времени. Оно стоит участия. На паре ты не просто получаешь знания — ты присутствуешь, тебя видят, к тебе привыкают. Человек, который за семестр не задал ни одного вопроса, для преподавателя почти не существует: его помнят по фамилии в ведомости, и всё. А когда нужна рекомендация, место на кафедре, помощь с курсовой, — вспоминают тех, с кем был разговор.

И ещё одна цена, самая незаметная. Молчание тренирует молчание. Каждый раз, когда ты решил не спрашивать, ты подтвердил привычку: в этой ситуации я не спрашиваю. Через год таких подтверждений становится сотня, и они превращаются в характер: «я человек, который не задаёт вопросы». Хотя изначально это был всего лишь один пропущенный момент на паре в сентябре.

Тут стоит остановиться и посмотреть на арифметику честно, потому что от неё зависит всё остальное. Ты платишь дважды и оба раза не тем, чем думаешь. Первый раз — в момент вопроса: неловкостью, несколькими секундами внимания на себе. Второй раз — в момент расплаты: часами, которые уходят на восстановление, и усталостью от того, что

учиться стало тяжелее, чем должно быть. Первый платёж виден и потому кажется большим. Второй не виден вообще — он растворяется в общем ощущении «учёба идёт тяжело», и его легко списать на сложность материала, на преподавателя, на собственную неспособность.

Именно поэтому люди, которые молчат, часто искренне считают, что им просто тяжело даётся учёба. Они не видят, что половину этой тяжести создали сами, отказавшись от двухминутных операций в сентябре.

Есть и обратный эффект, о котором почти не говорят. Вопрос на паре работает не только на тебя. Когда ты спрашиваешь про непонятую связку, выясняется, что её не поняли ещё пятеро, и преподаватель, услышав вопрос, объясняет иначе — не для одного, а для всех. Аудитория получает второе объяснение, часто лучше первого, потому что первое было построено без обратной связи. Твоё молчание, таким образом, тоже стоит другим: они не получают того объяснения, которое могли бы получить.

Разбор

Теперь честно про то, почему я молчал. Причины банальные, и в них нет ничего экзотического.

Первая: я не хотел выглядеть человеком, который не понял. На первом курсе это было особенно острым — все вокруг казались подготовленнее, чем я, и признать пробел значило подтвердить подозрение, что я тут случайно. Забавно, что половина группы думала то же самое. Мы сидели двадцать человек, каждый считал себя единственным, кто не понял, и все молчали.

Вторая: я не знал, в какой момент спрашивать. Между «преподаватель объясняет» и «преподаватель закончил» есть узкое окно, и в него надо попасть. Если спросить слишком рано — перебьёшь; слишком поздно — уже ушли дальше. Это техническая трудность, а не моральная, но она останавливала меня сильнее любой другой: я боялся не вопроса, а неловкости от того, что я влез не вовремя.

Третья: я всё время думал, что успею. «Потом» кажется бесконечным, пока не выясняется, что оно кончилось. Учебный год устроен так, что «потом» всегда длится до сессии, а в сессию «потом» превращается в «поздно».

Теперь возражение. «Но ведь можно же разобраться самому, и это будет глубже, чем если бы объяснили». Можно, и иногда действительно глубже. Но есть разница между «разо-

браться самому, потому что интересно копать» и «разобраться самому, потому что спросить страшно». Первое развивает, второе истощает, и внешне они выглядят одинаково — до момента, когда времени становится мало.

И второе возражение, более серьёзное. «А если бы я спросил, а мне ответили бы так, что стало хуже?» Бывает. Но заметь арифметику: неудачный ответ стоит одного неприятного эпизода, который забывается через день. Молчание стоит месяца путаницы и часа перед зачётом. Даже если бы каждый второй мой вопрос получал неидеальный ответ, молчание всё равно было бы дороже.

И последнее, что нужно сказать в этом разборе. Цена молчания не всегда видна сразу, и из-за этого её трудно почувствовать. Спросить — это конкретное действие в конкретный момент, и его легко оценить: неловко, двадцать секунд, ответ. Не спросить — это отсутствие действия, у которого нет момента, нет эпизода, нет ничего, что можно вспомнить. Поэтому мозг считает молчание бесплатным: он не видит счёта. А счёт есть, просто его присылают позже и не тебе, а тому, кто будет разбираться в декабре.

Инструмент

Упражнение называется «Счёт пробелов». Оно занимает десять минут и делается сразу после пары, пока не забылось.

Возьми конспект за сегодня и найди в нём места, где ты остановился. Условные обозначения у всех разные: у меня были стрелки, у кого-то вопросительные знаки на полях, у кого-то обведённые слова. Если ты ничего не помечаешь — это отдельная проблема, и решается она просто: начни помечать. Один знак на полях в момент, когда мысль споткнулась. Не разбирайся, не останавливайся, просто поставь знак.

Теперь выпиши каждый знак отдельной строкой и напротив напиши, чего он стоит. Не в рублях и не в баллах — в минутах. «Спросить сейчас — две минуты. Разобраться самому — двадцать. Разобраться через месяц — час, если получится».

Третья колонка — самая важная: срок. Напиши, до какого момента этот вопрос ещё можно задать дешёво. «Пока не начали следующую тему». «До семинара». «До конца недели, потом она уйдёт на другой цикл». Срок делает абстрактное «потом» конкретным, а конкретное «потом» всегда короче, чем кажется.

Четвёртый шаг: выбери один пробел — не самый важный, а самый свежий, тот, что появился сегодня, — и задай по нему вопрос на следующей паре. Одну фразу, в начале, пока

преподаватель ещё не ушёл в новую тему: «У меня остался вопрос с прошлого раза, можно?» Эта фраза работает как пропуск: она предъявляет вопрос и заодно объясняет, почему ты его задаёшь сейчас, а не тогда.

Пятый шаг — для тех, кто любит порядок. Заведи отдельную страницу в конце тетради и назови её «Хвосты». Каждый пробел, который ты не закрыл, переезжает туда с датой. Раз в неделю смотри на этот список и вычёркивай то, что закрыл. Если через две недели в списке висит одно и то же — это сигнал: либо вопрос не так важен, и тогда его надо честно вычеркнуть как неважный, либо он важен, и тогда его надо задать, а не хранить.

Смысл упражнения не в аккуратности. Смысл в том, чтобы сделать невидимое видимым: пока пробелы живут в голове, они не считаются, а на бумаге у них появляется вес.

И одна оговорка, без которой упражнение может стать вредным. «Счёт пробелов» — это не список долгов и не повод для самобичевания. Если ты открываешь его и чувствуешь только «я опять всё запустил», значит, ты считаешь не пробелы, а вину. Правильная реакция на длинный список другая: посмотреть, сколько там пунктов, которые стоят две минуты, и закрыть два из них сегодня. Не все, не сразу — два. Список из пятнадцати пунктов, из которых закрыто два, лучше, чем список из пятнадцати, к которому ты не притрагиваешься, потому что он слишком большой.

Есть и вариант для тех, кому бумага не подходит. Держи

«хвосты» в заметках телефона — неважно где, важно, чтобы они были в одном месте и с датами. Разница между «помню, что что-то не понял» и «вот список из четырёх пунктов, два из них с прошлой недели» огромная: первое не мотивирует ничего, второе показывает конкретную работу.

Вывод

Тот час с Мариной Сергеевной я запомнил не содержанием — содержание я потом всё равно перечитывал. Я запомнил её вопрос: «Почему вы не спросили в сентябре?» Он был задан без укора, скорее с интересом, и именно поэтому на него было нечего ответить. У меня не было причины. Было состояние, которое я принимал за причину.

С тех пор у меня в конспектах те же стрелки. Я не избавился от пробелов — они появляются у всех, кто учится. Изменилось другое: стрелка теперь живёт не месяц, а до следующей пары. Иногда до вечера. Иногда, если совсем не выходит, до конца недели — но у неё есть срок, и она не превращается в образ жизни.

И ещё одно, что я понял позже и что стоит сказать прямо. Молчание кажется бесплатным, потому что платишь не ты и не сейчас. Платит тот, кто будет разбираться в декабре, — а это тот же ты, только уставший и с ограниченным временем. Между тобой сегодняшним и тобой через месяц нет никакой разницы, кроме запаса времени. И этот запас — единственное, что у тебя есть.

Я думаю иногда, что было бы, если бы в сентябре кто-то сказал мне эту арифметику прямым текстом. Скорее всего, ничего бы не изменилось: я бы кивнул и всё равно не спросил, потому что в девятнадцать лет знание о том, что «потом

дороже», не перевешивает страх сказать глупость при двадцати людях. Такие вещи не работают как совет. Они работают как опыт, и мой опыт стоил одного месяца путаницы и одного часа в деканате.

Но есть в этом опыте одна часть, которую можно передать словами, и ради неё стоит всё это писать. Когда ты сидишь на паре и чувствуешь, что потерял нить, ты в этот момент выбираешь не между «спросить» и «не спросить». Ты выбираешь между двумя версиями следующего месяца. В одной из них ты разбираешься с темой за две минуты и идёшь дальше. В другой ты носишь стрелку в конспекте, а потом обнаруживаешь, что стрелок стало четыре, и они уже не помещаются в один час разговора. Оба варианта начинаются одинаково — с тишины в аудитории и с твоего молчания, — и расходятся они на месяц вперёд, хотя в моменте выглядят как одно и то же решение.

Дальше начинается вторая часть книги, и она про то, как сделать вопрос произносимым. Мы разберём формулу из трёх шагов, которая снимает половину работы, — не страх, а именно работу: что сказать, в каком порядке, чтобы вопрос звучал по делу и не требовал смелости.

Эссе 7. Формула из трёх шагов

Заход

Я долго думал, что главная проблема вопроса — это смелость. Что надо как-то собраться, пересилить себя, и тогда вопрос прозвучит. Я даже придумал себе ритуал: три глубоких вдоха, потом резко поднять руку, чтобы не успеть передумать. Ритуал не помогал. Рука поднималась, а изо рта выходило что-то бесформенное — «это, ну, вот это вот место, где вы сказали, я не очень», — и я видел, как преподаватель ждёт продолжения, а продолжения нет.

Проблема была не в смелости. Проблема была в том, что у меня не было фразы. Я выходил на разговор с сырым материалом, надеясь, что он сам соберётся в предложение по дороге, — и он не собирался. Каждый раз получалось по-разному, каждый раз плохо, и каждый следующий раз был страшнее предыдущего, потому что я помнил, как это звучало в прошлый.

Формула, о которой пойдёт речь, — не приём общения и не способ понравиться. Это способ не тратить силы на составление фразы в тот момент, когда и без того тяжело. Три шага, которые можно сделать заранее, на бумаге, а потом просто произнести.

История

Второй курс, цикл по биохимии. Тема мне нравится, преподаватель объясняет хорошо, и именно поэтому обидно: я понимаю почти всё, кроме одного места, и это место — важное. Речь про то, как в клетке регулируется процесс: есть сигнал, есть реакция на сигнал, и есть механизм, который может этот процесс ускорить или замедлить.

Я не понимаю конкретно, что именно ускоряется. То есть я понимаю слова, но не понимаю, на что они указывают: ускоряется сама реакция, или ускоряется появление нужного вещества, или ускоряется что-то третье, о чём я не знаю. В конспекте у меня записано «ускоряет процесс», и эта запись бесполезна, потому что повторяет вопрос вместо ответа.

И тут я делаю то, чего раньше не делал: не иду спрашивать сразу, а сажусь вечером и пишу вопрос на бумаге. Три строки, как учили на кафедре, когда мы разбирали, как формулировать задачи. Первая — где я застрял. Вторая — что уже сделал. Третья — что именно прошу объяснить.

Получается так:

«Я застрял на том, что именно ускоряется при регуляции — сама реакция или появление вещества. Я прочитал раздел в учебнике и посмотрел в конспект, там написано «ускоряет процесс», и я не понимаю, что это значит. Прошу объяснить, что конкретно меняется в скорости: скорость реакции, коли-

чество вещества или что-то ещё».

Я перечитываю три строки и понимаю две вещи. Первая: вопрос гораздо точнее, чем тот, который я бы задал вслух. Вторая: мне уже не страшно. Не потому, что я стал смелее, — а потому, что теперь у меня есть текст, и мне не надо ничего придумывать в момент разговора.

На следующей паре я подхожу после занятия. Марина Сергеевна складывает бумаги, и я говорю — почти читаю:

— Марина Сергеевна, я застрял на одном месте. Мне непонятно, что именно ускоряется при регуляции — сама реакция или появление вещества. Я читал учебник, там написано «ускоряет процесс», и я не понимаю, что за этим стоит. Можете объяснить, что конкретно меняется?

Она поднимает голову, и — вот это важно — не переспрашивает. Обычно, когда я говорил бесформенно, человек переспрашивал: «что именно?», «в смысле?», и мне приходилось объяснять заново, уже краснея. Здесь она сразу отвечает:

— Хороший вопрос. Ускоряется не реакция и не количество вещества, а вероятность того, что молекулы встретятся в нужной ориентации. Давайте на схеме.

Три минуты у доски — и я понимаю. Не «запомнил», а именно понимаю, потому что теперь у слов появился предмет.

Выхожу из аудитории и чувствую странное. Разговора было на три минуты, а я готовился к нему вечер. И всё равно

это было выгодно: три минуты разговора плюс пятнадцать минут подготовки дали понимание, на которое я бы потратил три часа самостоятельного поиска, а скорее всего, не потратил бы вообще.

Механизм

Разберём, почему формула работает. У неё три элемента, и каждый решает отдельную задачу.

Первый элемент — где я застрял. Он решает задачу адреса. Человек, которому ты задаёшь вопрос, должен понимать, куда смотреть. Без этого он вынужден угадывать, и угадывает обычно не туда: объясняет с начала, или объясняет то, что ты и так знаешь, или спрашивает «а что именно непонятно», и ты снова мычишь. Названное место превращает разговор из поиска в объяснение.

Второй элемент — что я уже сделал. Он решает задачу доверия. Не потому, что надо отчитываться, а потому, что человеку важно знать: перед ним тот, кто попробовал, или тот, кто не открывал. Это не про вежливость — это про экономию. Если ты читал учебник, преподаватель не будет отправлять тебя к учебнику; он сразу перейдёт к тому месту, где текст не сработал. Если ты не читал, он скажет «прочитайте» — и будет прав.

Третий элемент — что прошу объяснить. Он решает задачу объёма. Без него вопрос звучит как «объясните мне тему», и это может означать что угодно: от пяти минут до часа. С ним у разговора появляется граница, и человек может решить, есть ли у него эти пять минут. Именно этот элемент чаще всего пропускают, и именно он сильнее всего снижает

тревогу: когда ты просишь конкретное, ты просишь меньше, и просить меньше легче.

Дальше — то, чего я не ожидал. Формула работает на слушателя, а заодно и на говорящего. Когда ты пишешь три строки, ты обнаруживаешь, что половина вопросов не нужна: на некоторые ты сам находишь ответ, пока формулируешь. Это не потеря, а фильтр. Из пяти вопросов, которые бродят в голове, после трёх строк остаётся два, и оба — настоящие.

И ещё одно свойство, менее очевидное. Формула делает вопрос повторяемым. Если тебе не объяснили с первого раза — а так бывает, — ты можешь задать тот же вопрос другими словами, потому что у тебя есть текст, а не воспоминание. Человек без формулы после неудачного объяснения теряется: он не помнит, как спрашивал, и не знает, как спросить иначе. Человек с формулой просто меняет третью строку.

Разбор

Теперь честно про то, где формула не спасает.

Первое: она не убирает неловкость. Я всё равно подходил с колотящимся сердцем, всё равно чувствовал, что говорю чуть быстрее обычного. Формула снимает работу, но не чувство. И это нормально, потому что работу можно сделать заранее, а чувство заранее не сделаешь.

Второе: она не работает, если место названо неверно. Бывает, что человек застрял не там, где думает: ему кажется, что он не понял регуляцию, а на самом деле он не понял, что такое реакция. Тогда формула приведёт к разговору, который не решит проблему. Но и это не провал: хороший преподаватель по ответу поймёт, что провал глубже, и вернётся на шаг назад. Именно поэтому вторая строка важна — она показывает, где ты был, и по ней видно, где ты на самом деле стоишь.

Третье: формула звучит формально, и поначалу это смущает. «Я застрял на том, что... Я прочитал... Прошу объяснить...» — это не разговорная речь, это почти протокол. Мне было неудобно так говорить, казалось, что я звучу как робот. Потом я привык и понял, что формальность здесь работает в плюс: она сигнализирует, что человек пришёл с делом, а не с настроением.

Возражение, которое я слышал чаще всего: «А если я не

знаю, что уже сделал? Если я вообще ничего не делал?» Тогда вторая строка звучит так: «Я пока не смотрел учебник, пришёл сразу, потому что боюсь, что сам разберусь неправильно». Это честно и тоже работает: человек понимает, с кем имеет дело, и либо отправляет читать, либо объясняет с нуля. Главное — не выдумывать проделанную работу, которой не было. Одна ложь в третьей строке разрушает весь эффект.

И последнее возражение, самое справедливое. «А если преподаватель не любит, когда к нему подходят с вопросами?» Бывает. Но заметь: формула как раз снижает риск. Человек, который не любит вопросов, раздражается на бесформенные вопросы, потому что они требуют от него работы — угадать, что нужно. Вопрос из трёх строк работы не требует: он уже собран. Если и на такой вопрос отвечают резко, дело не в форме и не в тебе.

Стоит отдельно сказать про страх, что формула сделает тебя «тем, кто вечно с вопросами». Этот страх живёт у многих, и он понятен: не хочется быть навязчивым. Но посмотри, из чего складывается навязчивость. Не из количества вопросов, а из их качества — из вопросов без места, без контекста, заданных не вовремя и не тому. Формула как раз уменьшает число вопросов, потому что часть из них отсеивается на этапе трёх строк, а оставшиеся становятся короче и точнее. Человек с формулой задаёт меньше вопросов, чем человек без неё, — просто они заметнее, потому что попадают в цель.

Есть и четвёртое свойство, о котором я догадался не сразу. Формула показывает твою работу, и это меняет отношение к тебе даже в тех случаях, когда ответа не будет. Преподаватель, который видит студента с тремя строками, запоминает его как человека, который разбирается, а не как человека, который приходит с пустыми руками. Через год, когда понадобится помощь с курсовой или место на кафедре, это сыграет. Не потому, что ты правильно построил фразу, а потому, что за фразой было видно отношение к делу.

И ещё одна вещь, которую я понял, когда начал пользоваться формулой регулярно. Она работает как тормоз против одного вредного явления — привычки спрашивать «а как это сделать?» вместо «я сделал вот так, правильно?». Первый вопрос перекладывает работу на другого, второй — показывает, что работа уже сделана. Первый вызывает желание ответить коротко или не ответить вовсе, второй — желание поправить. Разница в результате огромная, а формулировки отличаются одной строкой.

Инструмент

Упражнение называется «Формула из трёх шагов», и делается оно на бумаге, заранее, а не в момент разговора.

Возьми свой вопрос — тот, который сейчас болит. И напиши три строки.

Строка первая: «Я застрял на том, что...» Дальше — место. Не тема, а точка: «на переходе от второй схемы к третьей», «на фразе про вероятность встречи молекул», «на том, почему в этой формуле индекс меняется». Проверка: если по твоей строке можно пальцем показать в конспекте — место названо верно.

Строка вторая: «Я уже...» Дальше — что сделал. «Прочитал раздел в учебнике». «Посмотрел конспект». «Попробовал решить задачу и получил другой ответ». «Спросил у одногруппника, он объяснил, но я не понял». Если не делал ничего — так и напиши, это нормально.

Строка третья: «Прошу объяснить...» Дальше — что именно. Не «тему», а конкретное: «что конкретно меняется в скорости», «откуда берётся этот коэффициент», «почему здесь нельзя применить то же правило». Одна вещь, не три.

Теперь прочитай три строки вслух. Если получается длинно — сократи, но не выбрасывай элементы. В живом разговоре это звучит примерно так: «Я застрял вот здесь. Учебник читал, но там непонятно. Объясните, пожалуйста, вот этот

момент». Тридцать секунд.

Дальше — калибровка сложности. Прогони формулу по трём вопросам разной трудности: один лёгкий (бытовой, к другу), один средний (по учёбе, к одногруппнику), один трудный (к преподавателю). Цель — чтобы рука привыкла к структуре, а не к содержанию. Через несколько раз ты обнаружишь, что формула запускается сама, даже когда пишешь сообщение в переписке.

И последний элемент, необязательный, но полезный. Заведи привычку записывать вопросы, которые пришли в голову на паре, в ту же форму — три строки, коротко. Не для того, чтобы задать все, а для того, чтобы к концу пары у тебя был не туман, а список. Из него потом легко выбрать один.

Ещё одна деталь, которая экономит силы. Не пытайся произнести формулу дословно, как написано. Дословность нужна только на бумаге, чтобы собрать мысль. В разговоре достаточно, чтобы прозвучали все три части, — пусть коряво, пусть с «ну» и «как бы». Формула держит структуру, а не стиль.

И отдельно про письменные вопросы. В переписке формула работает даже лучше, чем в разговоре, потому что там её видно целиком. Три строки в сообщении читаются за десять секунд и отвечаются быстрее, чем сообщение на полэкрана, в котором человек пытается угадать, чего ты хочешь. Если ты стесняешься говорить, начни с переписки: у неё есть ещё одно преимущество — ты можешь не отправлять сооб-

щение сразу, а перечитать через десять минут и убрать лишнее. Устная речь такого права не даёт, и именно поэтому она кажется сложнее.

Что убирать при перечитывании — это отдельный навык, и он приходит с практикой. Первым делом уходят извинения: «извините за беспокойство», «простите, что отвлекаю», «наверное, глупый вопрос». Они не добавляют вежливости, они добавляют тревоги — и собеседник это считывает, даже если не отдаёт себе отчёта. Вежливость живёт в другом: в том, что ты назвал место, показал работу и попросил конкретное. Это и есть уважение к чужому времени, выраженное делом, а не словами.

Второе, что уходит, — длинные объяснения, почему ты не понял. «Я болел», «я пропустил пару», «у меня была практика». Одна короткая причина допустима, если она объясняет пробел: «я пропустил эту пару» — это по делу. Три причины подряд — это уже оправдание, и оно занимает место, которое могло бы занять содержание. Мы ещё поговорим об этом отдельно, в разборе про просьбы, но принцип тот же: причина нужна, чтобы объяснить, а не чтобы защититься.

Третье — уменьшительные слова. «Можно вопросик», «маленький тупой вопрос», «глупый такой вопрос, но». Каждое из них заранее понижает ценность того, что ты скажешь, и собеседник честно подстраивается: если ты сам назвал вопрос глупым, он ответит короче. Это не цензура речи, а простая замена: вместо «можно глупый вопрос» — «можно во-

прос по второй схеме».

Вывод

С того разговора про регуляцию прошло несколько лет, и я до сих пор иногда пишу вопросы в три строки. Не всегда — когда спрашиваю Костю в столовой, формула не нужна, там хватает полфразы. Но каждый раз, когда вопрос важный или адресат непростой, три строки на бумаге экономят мне тот самый вечер, который раньше уходил на репетицию.

Самое ценное, что я вынес из этой истории, — не сама формула. Ценное — понимание, что вопрос можно готовить. Раньше мне казалось, что вопрос — это порыв, который либо есть, либо нет. Оказалось, это изделие: его можно собрать заранее, проверить, переделать, и в момент разговора просто достать.

И ещё одно, совсем простое. Формула снимает главную причину, по которой вопрос звучит жалко, — неловкую паузу в середине. Когда человек не знает, что сказать дальше, он замолкает, и эта пауза читается как сомнение. С тремя строками паузы нет: ты идёшь по тексту, и голос не спотыкается. Со стороны это выглядит как уверенность, хотя внутри всё то же самое — то же сердце, те же горящие уши. Просто теперь у страха нет эфира.

Отдельно скажу про то, что формула даёт сверх разговора. Когда ты привыкаешь думать тремя частями — место, работа, просьба, — ты начинаешь так же читать лекции и

объяснения других. Слушаешь преподавателя и слышишь, в каком месте он назвал точку, а в каком проскочил. Это меняет качество конспекта: в нём появляются утверждения и границы между ними, те самые, где потом возникает вопрос. Так что упражнение работает в обе стороны — и на речь, и на слух.

Дальше — про то, как сделать такие вопросы привычкой. Потому что одна удачная формула ничего не меняет, если за ней не следует вторая. Мы разберём норму одного вопроса в день: маленькую, почти незаметную, которая работает лучше любых решительных рывков.

Эссе 8. Один вопрос в день

Заход

Есть такой жанр обещаний: «с понедельника начну». В нём я специалист. Я начинал с понедельника учить латынь, бегать по утрам, вести дневник и задавать вопросы на парах. Все проекты объединяло одно: понедельник наступал, а со вторника я уже не мог вспомнить, с чего начал.

Причина у провала была всегда одна и та же, и она не в лени. Я брал слишком крупную единицу. «Начну задавать вопросы на парах» — это не задача, это изменение личности. Такое не делается во вторник, потому что во вторник у тебя четвёртая пара, ты не выспался и тебе ещё на практику идти. Изменение личности требует ресурса, которого во вторник нет.

А маленькая единица требует мало. Не «задавать вопросы», а «задать один вопрос — кому-нибудь — за сегодня». Один. Разница между этими двумя вещами такая большая, что я до сих пор удивляюсь, почему не понял этого раньше.

История

Я решил попробовать в феврале, после того разговора про формулу из трёх шагов, когда понял, что вопрос можно готовить. Логика была простая: если я умею собирать вопрос, надо это делать регулярно, чтобы не забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.